

Дневник чужих грехов

Автор:

Татьяна Полякова

Дневник чужих грехов

Татьяна Викторовна Полякова

Авантюрный детектив

Чужие грехи – самое интересное для обывателя, но порой и самое опасное. Ведь за некоторые из них – убивают... Анна возвращается на хутор, доставшийся ей в наследство, где она когда-то была невероятно счастлива, единственный раз в жизни – полюбив. Но и в этом тихом и отдаленном месте кипят страсти и происходят настоящие преступления – по дороге со станции убита молоденькая девушка. А ведь Анна ехала с ней в электричке. Значит, убийца находился совсем рядом. Спустя несколько дней часы с руки той девушки загадочным образом оказались на крыльце Анны вместе с букетом цветов. Что это: предупреждение или угроза? Анна, кажется, знает, кто за этим стоит. Нужно успеть: найти, предупредить, спасти... И та далекая и близкая любовь всей жизни – не отпускает...

Татьяна Полякова

Дневник чужих грехов

© Полякова Т.В., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Помнишь, мы же договорились,
Когда еще не родились,
Что встретимся так.
Ты в железной машине,
Поперек сплошных линий,
Разобьешь мое сердце о перила моста...

Знаки «Стрелки»

До отправления электрички оставалось еще полчаса, и я зашла в книжный магазин на первом этаже вокзала. Магазин довольно большой, прямо напротив входа на специальном столе с табличкой «Новинки» выложены книги, вышедшие на днях. Та, что нужна была мне, стояла на солидной стопке таких же книг. Скромная темно-синяя обложка, крупными буквами название «Жизнь», и ниже, чуть мельче: «Дневник женщины».

Я подошла, взяла в руки увесистый том. Только начала листать, как рядом оказалась продавец, женщина лет пятидесяти, короткая стрижка, внимательный взгляд.

– Это второй том, – кивнула она на книгу в моих руках. – Первый вышел почти год назад.

– Да, я знаю, – ответила я.

– Невероятно, правда? – приглядываясь ко мне, продолжила женщина.

– Что? – увлекшись своими мыслями, спросила я с некоторой заминкой. – Вы имеете в виду ее популярность?

– И это тоже. Человек день за днем рассказывает о своей жизни, о каких-то, на первый взгляд, незначительных событиях, а в результате перед нами целая эпоха. Удивительно, как ей это удалось? Обычной женщине с заурядной

жизнью...

– Ну, жизнь в прошлом веке была чрезвычайно насыщена событиями, – усмехнулась я.

– Да, но ведь она пишет о себе, о соседях, о жизни в небольшом селе... казалось бы, кому это может быть интересно?

– Люди любят подглядывать в замочную скважину, – вновь усмехнулась я.

– Думаете, поэтому? Обычное любопытство, что там у соседей? А по мне, эта книга просто завораживает...

– Меня-то уж точно, – ответила я и, кивнув женщине, направилась к кассе. – Как расходится второй том? – спросила я девушку-кассира.

– Отлично, – сказала она. – Вы знаете, что весной выйдет третья книга?

– Да, читала в интернете.

Расплатившись, я сунула книгу под мышку, отказавшись от предложенного пакета, и пошла к перрону.

Электричка уже стояла на седьмом пути. Дорога до нужной мне станции займет полчаса, первая остановка на маршруте. У нее даже названия не было, станция I, именно так обозначали ее на карте. То же самое было написано на будке стрелочника рядом с платформой. За последние тридцать лет в этом смысле ничего не изменилось.

Мое место было возле окна, вагон быстро заполняли пассажиры, вечер пятницы, после трудовой недели народ возвращается из города домой, в районные города и поселки, их на маршруте два десятка.

Я привычно окинула взглядом пассажиров в поисках знакомых. Никого. Значит, кое-какие изменения все же произошли, раньше на нашей станции выходило немало народу, особенно вечером в пятницу. В те уже далекие времена до села проще всего было добраться электричкой. Автомобильная дорога была, но такая

скверная, что ею без острой нужды предпочитали не пользоваться. От станции I еще два километра мне предстояло идти пешком. Два километра по здешним меркам – пустяк, но теперь, должно быть, иначе. Может, дорогу привели в порядок?

Еще раз окинув взглядом попутчиков и не обнаружив знакомых лиц, я принялась листать только что купленную книгу. Девушка, сидящая рядом, снисходительно улыбаясь, заметила:

– От этой книги все с ума посходили.

– У меня личный интерес, – ответила я.

– В каком смысле?

– Марта, что писала эти дневники, близкая подруга моей бабки.

– Да вы что? – помолчав немного, сказала девушка. – Seriously?

– Еще как.

– И здесь рассказывается о вашей бабушке?

– Не только. Здесь, по сути, вся история нашего семейства.

– Здорово. Наверное, очень интересно читать об этом.

Я пожала плечами, подумав с усмешкой: «Интересно – не совсем подходящее слово».

Девушка продолжила говорить, а я время от времени кивала, держа на коленях книгу, открытую на пятой странице. Первая запись в дневнике начиналась так: «Сегодня рано утром пришла Агнес». Агнес – имя моей бабки. Прочитав предыдущую книгу дневников Марты, помнится, я задалась вопросом: о ком она? О жизни Марты или все-таки о моей бабке? В самом деле, ответить на этот вопрос совсем не просто, уж очень крепко переплелись их судьбы. Одна немислима без другой, женская дружба длиной в шестьдесят лет.

– Извините, мне выходить, – прервала я монолог соседки, услышав объявление по громкой связи, убрала книгу в сумку и направилась к выходу.

Вслед за мной шла девушка лет двадцати с небольшим. Пока электричка тормозила, мы стояли в тамбуре напротив друг друга. Девушка не обращала на меня внимания, а я пыталась обнаружить в ее лице знакомые черты. Чья-то родственница, которую я видела еще ребенком? Чужие дети растут быстро. Проще было спросить, к кому она едет, но делать этого я не стала.

Девушка хмурилась, нервно поглядывая в окно. Вряд ли ее порадует мое любопытство. К тому же далеко не всех жителей села я знаю. Времена все-таки изменились.

На перрон мы вышли вдвоем. Девушка достала мобильный, шагая чуть впереди меня. Свет из будки стрелочника навевал мысли о долгих странствиях и домашнем уюте. На руке девушки поблескивали золотые часы, на которые я невольно обратила внимание: браслет на пружинах, такие были в моде лет пятьдесят назад. Странно вдруг их увидеть, у моей бабки были такие же, лежали в шкатулке в секретере, что стоял в спальне. Интересно, они все еще там?

– Мама, я на станции, – заговорила девушка, споткнулась и сердито выругалась. – Конечно, пойду, – продолжила она разговор с матерью. – А как еще отсюда добраться? Даже такси нет... Конечно, надо было, но я опоздала. Всего на десять минут. Ладно, пока, доберусь как-нибудь.

Она спустилась с перрона, в этом месте начиналась тропинка, а я свернула к будке стрелочника. Сейчас здесь было что-то вроде мини-вокзала, где имелся даже буфет и, конечно, касса, за которой сидел Константин Егорович. Совершенно седой, в очках с такими линзами, что они больше напоминали лупу. На стойке буфета напротив табличка с надписью «Закрето».

Помнится, жил Константин Егорович на соседней станции, куда добирался с дорожными рабочими. Он поднял голову от газеты, услышав, как скрипнула дверь, я подошла ближе и увидела название газеты – «Гудок». За последние тридцать лет его пристрастия не изменились.

- Здравствуйте, - сказала я.

- Анна, - улыбнулся он. - Вот так сюрприз. Значит, снова в наших краях? Надолго?

- Думаю, что насовсем.

- Да ты что? А как же Америка?

В Америке я, к слову сказать, никогда не жила.

- В Америке без меня обойдутся.

- Ага. А здесь, значит, нет? - засмеялся он.

- Похоже, что я не обойдусь.

- Выходит, сюда потянуло, - кивнул он. - К корням?

- Наверное. А может, просто тишины захотелось.

- Этого здесь сколько угодно. Чаю хочешь? Я Любу отпустил пораньше, но тебя чаем с удовольствием напою. Или кофе, по-городскому?

- Спасибо. Беспокоиться не стоит, домой тороплюсь, пока совсем не стемнело.

- Что ж, значит, в другой раз почаевничаем. Велосипед в кладовке стоит. Держи ключ. - Он протянул мне ключ, достав его из ящика стола. - Шины подкачал, тормоза в порядке.

- Спасибо, - сказала я.

Кладовкой он называл узкую комнату, в которую можно было попасть с крыльца. Выкатив велосипед, я прислонила его к стене дома и вернулась к Константину Егоровичу вернуть ключ.

– Удачи, – сказал он на прощанье, и я кивнула в ответ. Спустилась к тропе, повесила сумку через плечо, рюкзак пристроила на багажнике и покатила по тропинке, мысленно усмехаясь вдруг нахлынувшей радости. Чувство такое, что мне снова шестнадцать.

– Размечталась, – буркнула я.

Моему сыну уже на два года больше, но это моей радости отнюдь не уменьшило. Метров через пятьсот была развилка, едва заметная. Дорога уходила влево. Прямо по утоптанной тропе, которую хорошо было видно даже в темноте, я приехала бы в село, ответвление влево вело на хутор к дому бабки. Теперь этой тропкой почти не пользовались, но я могла бы проехать здесь и с закрытыми глазами, а делать крюк, направляясь сначала к селу, а оттуда уже на хутор, не хотелось.

Сворачивая, я бросила взгляд на тропу, что теперь осталась справа. Где-то впереди мелькнул светлый плащ девушки, или мне только показалось? Но эта мысль недолго занимала меня. Я крутила педали, ожидая того момента, когда лес кончится и я окажусь на открытом пространстве вершины холма, а чуть ниже появится крыша бабкиного дома.

От ручья поднимался туман, и в рано наступившей темноте дом с холма я не увидела, только угадывала его присутствие, но все равно замерла ненадолго и сказала громко:

– Ну, здравствуй!

Теперь тропа шла вдоль ручья. Говорят, еще лет семьдесят назад это была настоящая река, по ней даже баржи ходили. Во времена моего детства здесь еще можно было купаться. Дальше за поворотом большой омут. Если верить злым языкам, там мой прадед утопил свою жену, мою прабабку, чтобы жениться на богатой вдовушке. Правда, от Агнес я слышала другую версию. Когда-то здесь была мельница, принадлежавшая прадеду, которого в здешних краях до сих пор звали Старым мельником, хотя этот свет он покинул давным-давно; так вот, прабабка помогала ему в работе и случайно упала с высокого настила в воду. Плавать она не умела и камнем пошла ко дну. Мельник ее вытащил, но спасти не сумел.

Как бы то ни было, но на богатой вдовушке он женился, не прошло и полугода. А мой дед – который в местном фольклоре фигурировал как Молодой мельник – был уверен, что мать погибла не случайно, и затаил на отца лютую обиду.

Купаться здесь боялись, потому что не раз по ночам видели утопшую мельничиху, почему-то с веревкой на шее. Она заманивала простаков на самую глубину и безжалостно с ними расправлялась. Счет жертв шел на десятки, но ни одного конкретного имени не называлось. Так что в расчет эту часть эпоса я всерьез не принимала. Хотя Марта как-то рассказывала, что к ней прибежала соседка, бледная до синевы, и, заикаясь, твердила, будто видела рядом с омутом старую мельничиху. Та ухмылялась и звала ее за собой, между делом сообщив о неисчислимых бедствиях, которые вот-вот обрушатся на здешние края. Было это в августе тридцать девятого года, всего за несколько дней до начала Второй мировой.

В тишине я слышала журчание воды, течение здесь всегда было сильным. В этот момент впереди что-то мелькнуло, сгусток темноты на фоне ночного неба. Я невольно насторожилась, пока еще не догадываясь, что это может быть. И тут же пришел не страх, а, скорее, беспокойство, потому что на тропе, вне всякого сомнения, стоял человек. Судя по всему, мужчина. Я уже подумывала, а не повернуть ли назад, но для начала крикнула:

– Эй! Кто здесь?

В ответ что-то быстро и неразборчиво залепетали, а я с облегчением вздохнула. Юрис, местный дурачок. Парню было уже лет тридцать, говорил он плохо, лет с шести болтался по округе, его мать, вечно занятая работой, была уверена: Юриса здесь все знают и ни у кого рука не поднимется обидеть беднягу.

– Юрис, – позвала я, и он заковылял мне навстречу.

Ходил он сильно раскачиваясь, перегнувшись вперед. Вообще-то звали его Павлом, но слово «Юрис» он повторял особенно часто, поэтому уже много лет иначе его никто не называл.

– Ты чего здесь бродишь? – спросила я, не рассчитывая, что он меня узнает. – Напугал.

Юрис разулыбался, дотронулся до моей руки и радостно загукал.

– Я – Анна, – сказала я. – С хутора.

Он кивнул, однако вовсе не факт, что понял, о чем я.

– Идем, – позвала я и поехала дальше, стараясь двигаться помедленнее.

Юрис бежал за мной, размахивая руками. Однако очень скоро топот ног за спиной стих, я повернулась, чтобы узнать, что там с парнем, но на тропе никого не обнаружила.

– Юрис! – позвала громко. Тишина.

Ни шагов, ни иных звуков, ничего, что бы говорило о его присутствии неподалеку.

– Куда ж ты подевался? – пробормотала я.

Парень наверняка знает округу даже лучше, чем я. Хотя странно, что мать отпускает его в такое время. Впрочем, сейчас только половина десятого. Я позвала Юриса еще несколько раз, взглядываясь в темноту, и поехала к хутору.

Оставалось лишь подняться на небольшой пригорок, и вскоре впереди возникла темная громада дома. Возле ворот я затормозила, открыла калитку, придерживая велосипед рукой. Поднявшись на крыльцо, долго возилась с ключами и наконец вошла в просторные сени. Нащупала выключатель, раздался щелчок, но света не было. После смерти Стаса электричество на всякий случай отключили.

Вспомнив, что в мобильном есть фонарик, я отправилась к электрощитку, здесь же, в сенях, и через минуту свет вспыхнул, заставив меня на мгновение зажмуриться.

Я не торопясь огляделась, как будто видела все в первый раз. Полы в сенях земляные, теперь они, скорее, напоминали цемент. Дом построен полтора века назад, знающие люди утверждали, что он простоит еще столько же. Выходит,

раньше действительно строили на века. Полы застелены полосатыми половиками. Вряд ли интерьер здесь особенно изменился за последние сто лет. Большой сундук слева, где когда-то хранили продукты, рядом шкаф и длинная скамья. Пока в дом не провели воду от колодца, что во дворе, здесь стояли ведра. Я это еще помню.

Я подошла к дубовым двустворчатым дверям. Они тоже оказались заперты. Я вновь принялась возиться с ключами.

Стаса нашли сидящим за столом в кухне. Когда он не явился на укол, фельдшер забеспокоилась и позвонила ему (от мобильного Стас отказался, но домашний телефон был здесь с давних пор). На звонок Стас не ответил, и фельдшер сообщила об этом участковому. Преимущество жизни в таких местах, как это: без внимания тебя не оставят. Через пятнадцать минут участковый входил в дом. Стас к тому моменту был мертв уже несколько часов.

– Грех жаловаться, – на похоронах сказала все та же фельдшерица. – Жизнь прожил долгую, правильную, хоть, может, и не легкую, а такая смерть людям в награду дается. Раз – и все. Даже испугаться не успел.

Надеюсь, так оно и было. Большой овальный стол красного дерева застелен вязаной скатертью. Поверх нее положено стекло, единственное новшество, на которое согласился Стас. Через день менять скатерть, кипятить ее да крахмалить вряд ли под силу одинокому мужику. На стульях чехлы из отбеленного льна. Огромный буфет, в котором выставлена посуда, три сервиза: кофейный, чайный и столовый. Все одной фирмы, с вензелем: буква «А» готическим шрифтом с завитушками. Комод с тарелками и столовыми приборами, диван с деревянной спинкой. Все добротное, красного дерева. Бабкино приданое. Точно так же, как сервизы и столовое серебро.

Я прошла, отодвинула стул и немного посидела, вслушиваясь в тишину. В доме было холодно. Включив электрочайник (мой подарок Стасу на день рождения), я отправилась во двор. Набрала дров в большую корзину и вернулась в дом. Пока чай заваривался, затопила печь в передней, решив, что с отоплением разберусь завтра, а сегодня переночую здесь, возле печки, выложенной белыми изразцами и занимающей весь угол. Около печки тут же стало тепло и уютно, и я предпочла пить чай за бабкиным столиком для шитья, покрытым кружевной салфеткой, сидя в ее любимом кресле, которое раньше казалось мне несуразно большим и уродливым. В детстве я воображала, что это превращенный в кресло

дракон, но в один прекрасный момент он непременно оживет, вот я и предпочитала держаться от него подальше. А теперь подумала: бабка была права, сидеть в нем очень удобно, вытянув ноги на скамеечку, обитую плюшем, которую в детстве мы ехидно именовали «подкопытником», пить чай из фарфоровой чашки, которой лет сто, не меньше, и смотреть на огонь в печи, чуть приоткрыв чугунную дверцу.

Поленья в печи прогорели, я подкинула еще дров, чувствуя, как в дом возвращается тепло, и тут услышала под окном звук мотора, а потом сигнал. Два коротких, один длинный. Поднялась, накинула бабкину шаль на плечи и вышла на крыльцо. На верхней ступеньке сидел мужчина в кожаной куртке, услышав шаги, повернулся и сказал устало:

- Привет.

- Привет, - ответила я, садясь рядом. - Зайдешь?

- Здесь посидим.

- Ехал мимо? - зачем-то спросила я, прекрасно зная ответ.

- Увидел свет, решил проверить, - пожал он плечами.

- Рада тебя видеть, - улыбнулась я и поцеловала его в холодную щеку. Он тоже улыбнулся.

- Ты по делу? - немного помолчав, задал он вопрос, избегая смотреть на меня.

Эту его привычку я хорошо знала: то смотрит в сторону, то вдруг уставится в глаза и замрет, точно выпадая из реальности. Правда, происходило подобное только при встрече со мной. Причина мне была хорошо известна, я предпочитала о ней не говорить.

- Пса я к себе взял, с моей Стрелкой они вроде ладят, картошку выкопал и сдал Витьке, тебе она все равно не нужна. - Он достал из кармана конверт и протянул мне: - Вот, возьми. Денег немного, урожай в этом году небольшой...

- Себе оставь, - попросила я.

- С какой стати? - рассердился он и сунул конверт мне в руку.

- Спасибо тебе большое, Сережа. И за собаку, и за картошку.

- Ерунда, - отмахнулся он. - Времени свободного у меня сколько угодно, а Стас только четверть картофельника засадил. Одному много ли надо...

- А что за Витька? - спросила я, желая поддержать разговор.

- Витька Петриков. Я же тебе рассказывал: он открыл завод по производству патоки. Дела у него идут неплохо, расширяется. Кстати, он купил здание, где раньше был завод твоего деда. Тот ведь тоже на патоке хорошие деньги делал. Там одни стены оставались, так что купил за копейки, из-за места, уж очень удобное. Бабки вложил, все отреставрировал, любо-дорого смотреть.

- В Витьке всегда была предпринимательская жилка, - кивнула я.

- Вот-вот. Он дважды в неделю сюда наезжает. Будет рад тебя увидеть. Или ты завтра назад? Выставила хутор на продажу? - не дождавшись моего ответа, спросил он.

- Нет, - покачала я головой.

- Когда думаешь? К весне?

- Я не собираюсь его продавать, - неохотно ответила я. - Ни сейчас, ни весной. Никогда.

- Дому пригляд нужен, да и земле... А из Москвы сюда не наездишься. Можно купить дачу поближе.

- Можно. Но я собираюсь жить здесь.

На пару минут воцарилась тишина, пока он не спросил:

- В смысле? Что значит - жить здесь?

- Это значит - жить в этом доме, Сережа.

- Но... а как же... Вы что же... с мужем разошлись?

- В этом смысле ничего не изменилось. Сын теперь учится в Англии, с ним мы, в любом случае, виделись бы не часто. А работать я могу, где угодно, надо только интернет провести, компьютер у меня с собой.

- Интернет хоть завтра проведут... Аня, ты серьезно? - спросил он растерянно.

- Вполне.

- Но... что случилось-то?

- Да ничего не случилось. Хочу пожить здесь. Может, месяц, может, год, может, всю жизнь.

Он собрался что-то ответить, но в этот момент у него зазвонил мобильный, Сергей некоторое время искал его по карманам, руки его при этом заметно дрожали. Наконец он ответил:

- Звягинцев слушает.

Из старенького мобильного доносился истерический женский голос, Сергей терпеливо слушал, потом спросил:

- На электричке приехала? Из города? Сегодня вечером? Хорошо, съезжу на станцию...

Он убрал мобильный и поднялся.

- Ты на машине приехала? - спросил он.

- На электричке.

– Народу много сошло?

– Двое, я и девушка. Незнакомая.

– До развилки вместе шли?

– Нет. Я на велике. У меня велосипед на станции был... с прошлого раза... в кладовке у Константина Егоровича. А что случилось?

– Терентьева звонит... Ты ее не знаешь, с год как здесь поселилась. Дочь к ней должна приехать, звонила со станции, но до сих пор домой не пришла.

– В темноте заблудилась? Она дорогу хорошо знает?

Сергей пожал плечами:

– Заблудиться можно, если с тропы сойдешь. А зачем? Девчонка в городе живет, к матери приезжает не часто.

– Я слышала, как девушка звонила. С перрона она точно сошла, но в лесу я ее не видела. У Константина Егоровича я была минут десять, до развилки она уже, скорее всего, добралась.

– Куда ж она делась-то? – проворчал он. – Ладно, поеду.

– Я с тобой, – вызвалась я.

Сергей пожал плечами:

– Поехали.

Друг моего детства Серега Звягинцев был участковым, и обращение к нему граждан вполне понятно. А вот меня с какой стати разбирает?

Однако куда могла деться девушка? Зачем сходить с тропы, тем более если ты не местный? И окрестности толком не знаешь? Сверни она не в ту сторону на развилке, я бы ее непременно догнала. Да и с какой стати ей не там сворачивать, если приезжает она не в первый раз?

– Вдруг ее что-то напугало, она сошла с дороги и заблудилась? – последнюю мысль я высказала вслух.

– Хорошо, если так, – кивнул Сергей.

Сюда он приехал на мотоцикле, это самый популярный вид транспорта в здешних краях после велосипеда. Он завел мотоцикл, я села сзади, и мы помчались в ночь, как когда-то в юности. Хотелось обхватить его руками покрепче и прижаться щекой к спине. Но делать этого точно не следовало. И я, пряча лицо от встречного ветра, беспричинно улыбалась.

До станции мы добрались меньше чем за десять минут. Константин Егорович успел покинуть свой пост. Перрон, освещенный одиноким фонарем, был пуст.

– Как зовут девушку? – спросила я.

– Анастасия, – ответил Сергей, придерживая мотоцикл. – Здесь ее точно нет.

Но я все-таки позвала:

– Анастасия! Настя! – Прислушалась. – Если ее что-то напугало, она могла вернуться на станцию, – сказала я. Сергей кивнул.

– Я тоже так подумал, но ее здесь нет.

Он развернулся, и мы поехали в сторону села. Вскоре Сергей затормозил, оставил мотоцикл на тропе и дальше пошел пешком. Я вновь стала звать девушку, то и дело прислушиваясь. Все это время я оставалась возле мотоцикла, потом впереди мелькнул свет фонарика – Сергей возвращался.

– Ну, что? – крикнула я.

- Надеюсь, она все-таки добралась до села, потому что здесь ее нет.

Подойдя ближе, он передал мне фонарь, достал мобильный и начал звонить. Сначала матери девушки. Тут же выяснилось: Анастасия так и не появилась. Мать сообщила номер ее мобильного, мы вновь отправились пешком по тропе, теперь уже вдвоем. Сергей то и дело набирал номер Анастасии, а я вслушивалась в тишину. Нарушали ее только наши шаги.

- Черт, - сквозь зубы выругался Звягинцев.

- Что могло случиться? - хмурилась я. Здешние места представлялись мне самыми безопасными в мире.

- Надеюсь, ничего страшного.

Его нервозность была понятна, а я гадала, куда подевалась девушка. Моей фантазии на это явно не хватало.

- Поехали, - сказал Звягинцев, направляясь к мотоциклу.

- Что ты собираешься делать? - задала я вопрос.

- Ничего. На всякий случай, сообщу в полицию, до утра затевать поиски бессмысленно. Будем надеяться, она все-таки появится или ответит на звонки. Отвезу тебя и поеду к ее матери.

- Не трать время, я сама доберусь.

- Ну уж нет. Поехали, - повторил он, завел мотоцикл и вдруг сказал, поворачиваясь ко мне: - Может, у нас заночуешь? Мать будет рада. Завтра наболтается всласть.

- Завтра и зайду.

- Лучше сейчас.

- С какой стати мне у вас ночевать? У меня свой дом есть...

- В доме холодно...

- Уже нет.

- Ты не боишься оставаться одна? Дом на отшибе...

- Чего мне бояться? Это мой дом, и давай закончим с этим.

Он кивнул, соглашаясь, хоть и с неохотой, и мы наконец поехали. Сергей высадил меня у ворот.

- Пришли смс, если девушка появится, - попросила я.

- Не забудь запереть дверь. И калитку.

- Не забуду.

Мы простились. Я вошла в дом, подумала, не выпить ли чаю. Но мысли о девушке, которая вдруг куда-то исчезла, мирному времяпрепровождению не способствовали. Я умылась, постелила себе в передней, но перед тем как лечь, заглянула в комнату Агнес. Потянула дверь на себя, на мгновение почти поверив, что увижу ее, в сером платье в мелкую клетку, стоящей возле окна. Она повернется и ворчливо спросит: «Что тебе понадобилось в моей комнате?» - являться сюда без приглашения было запрещено. Оттого в детстве бабкина комната представлялась мне чем-то вроде пещеры Али-Бабы, и я не упускала возможности сюда проникнуть. Заглянуть в комод, в верхнем ящике которого лежали документы, счета и прочие совсем не интересные бумаги, или в шкатулку, стоявшую на комод, но и в ней, к сожалению, не было ничего для меня интересного, все те же бумаги... Теперь я стояла на пороге, не решаясь войти.

- Бабушка, - вдруг позвала я и заплакала.

Как ни странно, уснула я довольно быстро, но вскоре меня разбудил звук мотора. Мотоцикл. Звягинцев вернулся? Скрипнула калитка, которую я не заперла. Зачем, если хозяева дома? Через минуту двигатель заработал вновь, свет фар на мгновение мелькнул в окне и начал удаляться. Я проверила мобильный: сообщений нет. Пока я гадала, зачем приезжал Сергей, и прикидывала, стоит ли ему позвонить, со стороны крыльца послышалось поскуливание.

Накинув шаль, я прошла к входной двери, распахнула ее, и навстречу мне бросился пес, помесь лабрадора с дворнягой.

- Верный, - обрадовалась я. - Привет, бродяга.

Накормить его было нечем, но он, похоже, на это и не рассчитывал. Обрадовался, что снова на хуторе, да еще допущен в дом. Стас в этом смысле его не баловал, считал, что место собаки во дворе. Верный улегся возле печки, вскоре задремал, но стоило мне шевельнуться, тут же вскидывал голову. Сон улетучился, я взяла мобильный и написала Сергею: «Девушка нашлась?»

«Нет, - ответил он. - Калитку все-таки не заперла?»

«Спасибо, что привез моего пса».

«Он небось рад до визга?»

«Мирно спит рядом со мной».

«Тогда спокойной ночи».

«Пока».

На этом мы закончили, но о пропавшей девушке я, конечно, думать продолжила. За развилкой, совсем рядом с тропой, болото. Неужто Анастасия, вдруг чего-то испугавшись, ушла с тропы и в темноте забрела в самую топь? Местные ходили туда за ягодами, болото особо опасным местом не считалось. Но это днем. А ночью? К тому же Анастасия человек здесь чужой, могла растеряться, запаниковать... Она должна была слышать наши голоса и непременно ответила бы. Допустим, мобильный потеряла, но уйти так далеко, что не услышала звук

мотора и наши крики, точно не могла.

Утром меня разбудил пес. Ткнулся носом мне в щеку.

– Тебя выпустить? – сообразила я.

Взглянула на часы – половина девятого. Пора вставать. Я выпила чаю, сидя на крыльце и радуясь погожему дню. Поделила с Верным бутерброд, оставшийся от перелета, пес не отходил от меня, преданно заглядывая в глаза.

– Извини за скромный завтрак. Сейчас поедем в магазин и купим еды. Я помню, что ты не любишь консервы. А как насчет косточки?

Пес завилял хвостом. Увидев, что я беру велосипед, кинулся к калитке. Я заглянула в кошелек. Денег, что я получила от Звягинцева, надолго не хватит. Придется наведаться в город. Жаль, что вчера я не догадалась снять наличные в банкомате в аэропорту или на вокзале.

Я крутила педали, пес бежал рядом, а я думала о том, как мудро поступила, приехав сюда. Хотя у родственников мой поступок вызовет недоумение, и это еще мягко сказано. Впрочем, мне не привыкать. Семью я радовала редко, а вот поводов посокрушаться на мой счет давала сколько угодно. «Паршивая овца», как любила выражаться бабка. Но хутор, по неведомой причине, она оставила мне.

Впервые я увидела Агнес, когда мне исполнилось четыре года. Этот день я прекрасно помню. Родилась я за границей, где работали мои родители, за четыре года они так и не нашли времени выбраться к бабке, так что со знакомством мы затянули. Думаю, причина была проста: Агнес терпеть не могла зятя, и чувство это было взаимным. Впрочем, все мое детство я была уверена: бабка в принципе никого не любит. А если чувства и имели место, то были запрятаны на недосягаемую глубину.

Мы долго тряслись по ухабам на новеньком «Мерседесе» – папиной гордости и наконец подъехали к воротам.

– Ну, вот и родовое гнездо, – хмыкнул папа, не торопясь покинуть машину.

Бабка вышла на крыльцо нас встречать. Я было кинулась к ней, уверенная, что, если передо мной моя бабушка, значит, любит меня по определению. Бабка окинула меня суровым взглядом и сказала:

– Вылитый отец.

Прозвучало это как приговор. Именно так родители его и восприняли. Так что мысль оставить меня на пару недель у бабки мгновенно их покинула. Агнес взяла меня за руку и сказала:

– Ноги не забудь вытереть. Тут тебе слуг нет.

Через год меня с ней все-таки оставили. Я научилась отлично мыть посуду, подметать пол, ворошить сено, полоть, гладить полотенца и прочую мелочь, но, к удивлению мамы, жизнью на хуторе была довольна. Я быстро сообразила, что, выполняя определенные правила, в остальном я предоставлена самой себе и могу делать что хочу: болтаться по окрестностям в компании сельских ребятишек, сколько угодно купаться в реке и даже отправиться на болото, где жил Бабай – плод неумеренной детской фантазии.

Мама с Агнес не особо ладила, долгое время я считала, что причина в маминем замужестве. Увидев меня в бабкином фартуке, дергающей сорняки на грядке, всю в синяках и ссадинах (бабка была здесь совершенно ни при чем, она меня ни разу в жизни пальцем не тронула), мама ахнула «бедный ребенок» и поклялась больше никогда меня сюда не отправлять. И очень недоумевала, почему потом девять месяцев я приставала к ней с вопросом: «Когда поедем к бабушке Агнес?» Во втором классе в сочинении на тему «Как я провела лето» я живописала свою жизнь на хуторе, хотя июнь провела в Лиссабоне, а август – в Ницце.

– Неужели тебе не понравилось? – с беспокойством вопрошала мама, имея в виду чужеземные пляжи. Я уверяла, что понравилось, и робко спрашивала:

– Как думаешь, Агнес возьмет меня на все лето?

Мои обязанности с каждым годом множились, а любовь к бабушкиному хутору, вопреки всякой логике, росла...

Воспоминания пришлось прервать, я въехала в село. Предстояло решить, что сделать в первую очередь: навестить Звягинцевых или все-таки отправиться в магазин? Впереди показалось длинное здание из красного кирпича, недавно отремонтированное. Тот самый завод, о котором говорил Сергей, когда-то принадлежавший моему деду. Советская власть пришла сюда в сороковом году, завод, само собой, отобрали. Дед не стал дожидаться, когда за ним явятся, и ушел в лес, где, в конце концов, и сгинул. Хотя лично я в этом вовсе не уверена. Бабка в то непростое время укрывалась у дальней родни. Кстати сказать, ее младшая сестра Эльза в восемнадцать лет сбежала из дома, тем самым, по мнению родственников, сведя в могилу отца с матерью, вышла замуж за коммуниста и сама вступила в компартию.

Однако любовь Эльзы к сестре была куда выше партийной дисциплины, и она не только взяла к себе двух младших бабкиных детей, но и снабдила Агнес фальшивыми документами. Бабка у меня немка (до войны в городе их жило немало), можно лишь удивляться, как она не загремела в лагерь: и национальность никуда не годилась, а тут еще и происхождение самое что ни на есть антисоветское – старый дворянский род. А ее за каким-то чертом занесло на хутор. Но в мужья все равно выбрала контрреволюционный элемент – хоть и хуторянина, но уж точно не бедного, то есть кулака и мироеда, который, ко всему прочему, от советской власти в лесу прятался. А если советской власти боится, значит, знает за собой вину.

С приходом немцев бабка вернулась на хутор. Как ни странно, его даже разграбить не успели. Забрали зерно да скотину, а бабкино приданое в виде шкафов, перин да диванов так и осталось нетронутым. Как видно, граждане, которым положено было восстанавливать социальную справедливость, не особо верили, что советская власть здесь задержится.

В общем, бабка вернулась, и дед тоже. Правда, ненадолго. Тот порядок, который установили немцы, нравился ему не больше, чем предыдущий, и он вновь ушел в лес, на этот раз уже навсегда. Хотя на хуторе время от времени появлялся. Под покровом ночи, само собой. Двойняшки у бабки родились в конце войны, значит, как минимум за девять месяцев до этого они виделись и дед был жив-здоров. Вот только не ясно, куда потом делся. Агнес вопросы о деде попросту

игнорировала с тем отстраненным и равнодушным видом, к которому прибегала, желая показать, что тема беседы ей не по душе.

Миновав здание фабрики, я вскоре оказалась на площади. Слева православная церковь, справа – кирха. Меня, кстати, в восьмимесячном возрасте бабка по отцу крестила, само собой, в православии. Неизвестно, как к этому отнеслась Агнес. Скорее всего, никак. Не помню, чтобы она ходила на службу, впрочем, возможно, все-таки и докучала Господу своими проблемами, большими и маленькими, но точно не в моем присутствии.

Если верить опубликованному дневнику, однажды она сказала подруге: «Бог если и есть, то нас давно забыл». Для Агнес звучит чересчур драматично, хотя ее подруге я склонна верить. Они ведь были, по сути, самыми близкими людьми, и бабка могла ей сказать то, о чем с другими предпочла бы помалкивать.

Представители двух ветвей христианства уживались мирно, возможно, по той причине, что особой верой похвастать селяне не могли, о доме господнем вспоминали по большим праздникам, в остальное время особого ажиотажа на службах не наблюдалось. Чего нельзя сказать о кофейне, которая так и называлась «Кофейня» и располагалась как раз между храмами. После службы народ сюда непременно заглядывал, чтобы узнать последние новости и вволю посудачить. Само собой, лидировали в этом женщины, но и мужики кофейней не пренебрегали.

Вторым центром сарафанного радио во времена моего детства были магазины. Сейчас их количество значительно выросло, только продуктовых стало штук пять. Но в целом вряд ли что особенно изменилось.

Проезжая мимо, я смогла убедиться, что кофейня не работает, о чем свидетельствовал клочок бумаги с надписью «Закрито». У заведения уже давно новые хозяева, прежняя хозяйка умерла, дети ее разъехались, и этот бизнес привлекательным им не показался.

От площади в обе стороны тянулись улицы, ту, что за кирхой, по старинке называли немецкой слободой, хотя никаких немцев здесь давно уже не было. Те, кто еще оставался к концу войны, спешно покинули насиженные места. Из всех здешних немцев мне известны только двое: моя бабка да ее подруга Марта, но та была немкой лишь наполовину.

Деда Марты, местного пастора, забрали сразу. Был он глубоким стариком, но это его не спасло. А вот Марту не тронули. Надеюсь, дневник прольет свет на эту загадку. Жаль, что мне не пришло в голову поинтересоваться всем этим раньше, когда она была жива. В отличие от бабки, поговорить Марта любила. Но в молодости подобные истории занимают мало, а когда интерес появляется (а так обычно и бывает), вопросы задавать, как правило, уже некому.

В общем, вся надежда на дневники. Я свернула направо, Верный тут же бросился к кирпичному дому с низким заборчиком, выкрашенному синей краской, и теперь залиvisto лаял. Пока я пристраивала велосипед рядом с калиткой, из дома вышла женщина в темно-синем платье и цветастой косынке, мать Сергея.

- Анечка! - всплеснула она руками. - Как хорошо, что приехала!

- Здравствуйте, Вера Сергеевна, - входя в калитку, сказала я.

Мы обнялись и расцеловались. В ее внимательном взгляде мне всегда чудилось осуждение, хотя Вера Сергеевна ни единым словом не упрекнула меня в том, что ее сын до сих пор не женился и оставил ее без внуков, а себя обрек на одинокую старость. Впрочем, Звягинцев в любой момент может все исправить. Будет и семья, и дети, а у матери - внуки. Так или иначе, а каждый в округе знал, что в его затянувшейся неустроенности виновата я. Точнее, его мальчишеская любовь ко мне, от которой он так и не избавился. Или просто этого не хотел. Иногда я сама чувствовала себя виноватой, но не часто. Влюбиться в него в свои шестнадцать я так и не успела, а потом в моем сердце прочно обосновался другой, и уж тут, как говорится, ничего не поделать. Строго говоря, сама я в любви ему не клялась, и его любовь не особо поощряла, так что непонятно, в чем моя вина. Но от этого никому не легче.

- Идем в дом, - обняв меня за плечи, сказала Вера Сергеевна.

Со всеми друзьями сына она была равно приветлива. И сейчас сразу начала задавать вопросы: надолго ли я здесь, как мои дела, как семья. На большинство из них отвечать не хотелось. Отделавшись ничего не значащим «все нормально», я перевела разговор на Звягинцева, точнее, на вчерашнее происшествие.

– Да, такая беда... – вздохнула Вера Сергеевна. – Мать сама не своя. Не знаем, что и думать. Сережа всю ночь на ногах. С утра из города приехали, лес прочесывают...

– Я тоже голову ломаю, что могло случиться? Неужто она в темноте на болото забрела?

– Тебе Сережа не говорил? – разливая чай, спросила Вера Сергеевна.

– О чем?

– Не первый раз у нас такое. Перед майскими праздниками тоже девушка пропала. Ты ее знать должна. Оля Зиновьева. Мать ее в пятнадцатом доме жила, сразу за церковью.

– Лида? Она ведь, кажется, умерла?

– Уж больше года. Дочка в городе жила, а здесь у нее тетка, Екатерина Осиповна. Ее уж ты точно знаешь, жена Коровина. Художника.

– Да, конечно, – кивнула я. – У меня его картины есть.

– Я в этих картинах ничего не понимаю, но жена у него – святая женщина. И за сестрой ходила, когда та слегла, и за мужем... У Коровина инсульт был, ты знаешь? Два года назад, ни с того ни с сего... Хотя, что я говорю, с болезнью всегда так. Был здоровый красивый мужик, казалось, лет сто проживет, и вдруг – раз... еле с того света вытащили. Теперь на инвалидной коляске, ни ходить, ни сказать ничего не может, только мычит. Руки ничего не держат. И это для него самое страшное, так Екатерина Осиповна говорит. Ведь он художник. Смотрит на свои картины и плачет. А ей каково? Она за ним как за дитем малым ходит. А тут сестра. Лида за два месяца сгорела. Была, и нет. Екатерина Осиповна как сестру похоронила, постарела лет на десять. Высохла вся. Одна тень от нее прежней осталась. Сейчас, правда, получше выглядит. Слава богу, время лечит... Похоронила она сестру, а тут опять несчастье. Просто злой рок. Племянница должна приехать в пятницу на электричке, Екатерина Осиповна ждет ее, пирогов напекла, а Оли все нет. Она звонить, само собой. Телефон не отвечает. Ну, думает, значит, в городе осталась. Обиделась даже, отчего, мол, не предупредила. Утром опять позвонила. Телефон молчит. И в город ведь не

поедешь, мужа-инвалида не оставишь. С трудом дождалась понедельника. И позвонила Оле на работу. А там ей: ничего не знаем, сами, мол, гадаем, что случилось. На работу она не вышла. Екатерина Осиповна сразу к нам, то есть к Сергею. Что, мол, делать? Чувствую, беда. С пятницы племянница на звонки не отвечает, и на работе ее нет. Сережа мужиков собрал, пошли искать. Вроде все обшарили, а нашли случайно, уже на второй день. В ручье, тело под корягу течением снесло. От тропинки, считай, всего в десятке метров.

- Она утонула? - спросила я, теряясь в догадках, что девушке понадобилось возле ручья, да еще в такое время.

- Убили ее, - вздохнула Вера Сергеевна. - А тело в ручей бросили. Мы поверить не могли... У нас сроду ничего подобного не случилось. Двери запирали, если уезжали надолго, да ты сама знаешь. Конечно, сейчас не так, как раньше, люди другие, да и в домах поживы для ворья куда больше. Но все равно. Не привыкли мы к такому. У нас не в городе, все на виду...

- И что, нашли убийцу?

- Нет. Должно быть, кто-то из приезжих. Увидел, что девка одна со станции идет, вот и прельстился легкой добычей. Все лето своих с электрички встречали, так были напуганы. Только вроде успокоились, и нате вам. Я, конечно, надеюсь, найдется девушка живой и здоровой, но... - тут она вздохнула. - По Сереже вижу - плохо дело. Он мрачнее тучи. И молчит.

- Давно из города приехали?

- Да уж часа два как Сережа ушел. Ты чай-то пей, остынет. Сунулась со своими разговорами, только аппетит тебе испортила.

- Я вчера девушку на станции видела, - сказала я, сделав глоток. - Вместе с электрички сошли.

- Так ты на электричке приехала? И на хутор одна идти не побоялась?

- Я ж не знала, что у вас здесь такое творится, - пожала я плечами.

- Да уж... вот Сережа тебе вчера собаку и отвез. Боязно тебя на хуторе одну оставлять. Может, у нас поживешь? Места хватит.

- Спасибо. Я лучше у себя. С собакой не страшно.

- Да много ли толку от Верного. Он добрая душа, с котами дружит... В темноте по округе не шастай. Не приведи господи, найдется какой-нибудь душегуб... чего болтаю, - махнула она рукой. - Это все от нервов. Не обращай внимания. Но вечером одна не ходи. Ты надолго приехала?

Стало ясно, Сергей о моих намерениях матери не сообщил, и я с этим торопиться не стала.

- Пока не знаю. Может, на пару недель.

- А муж как же?

- Он в командировке. За границей. Сын в университет поступил, учится...

- В Москве?

- Нет, в Англии.

- Понятно. Что ж, помощь какая понадобится, обращайся. Верного, если что, я возьму. Не в Москву же его тащить. Я уж к нему привыкнуть успела.

Верный, который все это время лежал возле порога, поднял голову, поводя ушами.

- Чует, что о нем говорят, - усмехнулась Вера Сергеевна.

- Спасибо, что его приютили, но мы уж теперь вместе как-нибудь...

- Что ж, псина не человек, но и его бросать как-то не по-людски.

– Чай у вас замечательный, – поднимаясь, сказала я. – Рада была повидаться. Сергею привет.

– Передам. Он наверняка к тебе заедет. У него вся округа под присмотром, за всех душой болеет.

– У вас хороший сын, – кивнула я.

– Это точно, – ответила она, в голосе была печаль.

Она проводила нас до калитки, где мы и простились. Я поехала в магазин, Верный бежал рядом, помахивая хвостом, радовался прогулке.

Магазин на площади претерпел заметные изменения. Я напрасно беспокоилась, карточкой расплатиться было можно, а на входе стояли сразу два банкомата. С цивилизацией здесь полный порядок. Очереди возле прилавков уже в прошлом, так что штаб сарафанного радио теперь, как видно, в другом месте.

Однако вскоре от данного утверждения пришлось отказаться. Возле хлебного отдела стояли три женщины, одна моего возраста и две постарше, они вполголоса что-то обсуждали. Завидев меня, замолчали, та, что помоложе, молча мне кивнула, и они опять заговорили, но теперь совсем тихо.

Верный сидел возле дверей, а я с тележкой прошла по магазину, выбирая продукты. Когда я подошла к хлебному лотку, женщины переместились на несколько метров в сторону. Беседа вроде бы закончилась, но на меня они поглядывали с заметным интересом. Их взгляды я решила игнорировать, а вскоре была уже возле кассы, пес меня наверняка заждался. Оказалось, что у него за это время появилась компания. Рядом с собакой на корточках устроился Юрис и почесывал Верного за ухом, что тот принимал вполне благосклонно. Похоже, они давние друзья.

– Тридцать лет мужику, а он все как дитя малое, – проследив мой взгляд, сказала кассирша и добавила со вздохом: – Беда.

Юрис выпрямился, автоматические двери перед ним открылись, и он вошел в магазин в сопровождении Верного.

- Ты куда с собакой! - прикрикнула на него кассирша. - Вас мне только тут и не хватало.

Верный окрик понял правильно и замер возле дверей, на него они не сработали и покинуть магазин самостоятельно он не мог, интеллигентно замер копилкой, дожидаясь, когда я расплачусь. А Юрис приблизился к кассе и начал что-то быстро говорить, тыча пальцем в выставленный рядом с кассой шоколад.

- Ага, - понаблюдав за ним, усмехнулась кассирша. - Сладкого захотелось?

Он радостно гукнул и кивнул.

- А деньги у тебя есть?

Он вновь радостно гукнул и потянулся к шоколадке.

- Эй, ну-ка положи. Знаю я тебя, мало того что денег от вас не получишь, еще мать скандалить начнет.

Юрис беспомощно хлопал глазами, вновь потянулся к шоколаду, а кассирша повысила голос:

- Иди домой! Понял? Домой иди.

- Пусть возьмет, - сказала я. - Я заплачу.

- Ему только волю дай, он тут все схочет.

Но деньги за шоколад взяла, и я протянула его Юрису:

- Держи.

Он тут же развернул шоколадку, бросив обертку на пол, и умудрился сунуть в рот половину плитки.

- Нет, вы посмотрите! А убирать кто будет?

Юрис уже был возле двери, а я, подобрав обертку, бросила ее в урну возле кассы.

- Идем, - позвала я Верного, выходя на улицу.

Я складывала пакеты в корзину на велосипеде, когда из магазина появилась женщина, та, что помоложе.

- Анна, - окликнула она меня и подошла ближе. - Привет. А я думаю, ты, не ты...

- Я, - кивнула я с улыбкой, пытаюсь вспомнить имя женщины.

- Давно не виделись, - продолжила она. - Наверное, с похорон Агнес. Ты у нас редкий гость. Когда Стаса хоронили, я родню навещала. Только вернувшись, узнала... Все так неожиданно...

- Это точно.

- А ты одна или с семьей?

- Одна.

- Если надумаешь хутор продавать, у меня есть надежный риэлтор. Сестра двоюродная. У нее рука легкая, все местные к ней обращаются. Контора у нее в городе...

- Спасибо. С продажей мы не торопимся. Может, еще сами поживем.

- Вот как... Я думала, хутор тебе достался...

- Так и есть.

- А... - начала она и немного смутилась. - Болтали, что с мужем ты не живешь... Слышала, что у нас за дела творятся? - как видно решив сменить тему, задала она вопрос.

– Ты о пропавшей девушке?

– Вот-вот. Сама подумай, куда она могла деться? Весной одна уже так пропала. А власть наша не чешется, на станцию хоть не ходи. Только вчера мать радовалась, дочка приезжает. Торт купила... и нате вам.

– Может, все не так скверно, – зачем-то сказала я. – Рада была увидеться.

Я поехала, так и не вспомнив, как зовут женщину. То, что обо мне ходят слухи, не удивительно, наше семейство всегда давало для этого повод. Агнес слухи никогда не комментировала, казалось, они ее вовсе не волновали. Следует брать с нее пример. Ирина, вот как ее зовут, – наконец-то вспомнила я. Кажется, она училась в одном классе с Серегой. И у них был роман. Точно. Как я могла забыть? Это она влепила ему пощечину... Помнится, мы приехали в клуб, Сереге купили новый мотоцикл, он явился на хутор похвастаться, и мы поехали в клуб. Большая компания, человек пять-шесть парней и мы с Танькой. Я соскочила с мотоцикла, и тут же от группы девчонок, что стояли возле клуба, отделилась одна, невысокая, пухленькая, с шевелюрой, выкрашенной в нелепый оранжевый цвет. И влепила Сереге пощечину с возгласом:

– Мерзавец!

Все тогда просто обалдели. Больше всех Серега.

– Ты спятила, что ли? – жалобно спросил он, а потом долго оправдывался передо мной, мол, знать не знаю, что на нее нашло.

Новости меня, само собой, не порадовали. Я привыкла считать здешние края местом совершенно безопасным. Но Ирина права: куда могла подеваться девушка? Теперь ясно, почему Сергей не пришел в восторг от моей затеи остаться на хуторе. И собаку среди ночи привез...

Оказавшись в доме, я первым делом разобралась с покупками. Верный на радостях, что ему позволено находиться в кухне, путался под ногами и здорово мешал. Я занялась приготовлением обеда, а заодно уборкой. Порядок здесь царил образцовый, но с похорон Стаса времени прошло много, так что пыли

накопилось достаточно. Сороковой день мы отмечали в местном кафе и на хутор заглянули лишь на полчаса, проверить, все ли в порядке.

Я подключила отопление еще утром, и теперь в доме было тепло. Застелила постель в своей комнате, вымыла полы, предвкушая момент, когда устроюсь в кресле с книжкой в руках.

Накормив Верного, я и сама собиралась сесть за стол, но тут к калитке подкатил мотоцикл, и вскоре после этого Сергей постучал в кухонное окно. Отодвинув занавеску, я крикнула:

- Заходи! - и пошла его встречать.

В сенях он бросил на пол мешок, довольно большой, и объяснил:

- Тут картошка, морковь и прочее... мать собрала.

- Спасибо, но...

- Я ж тебе говорил: урожай я собрал, чего было добру пропадать? Так что на зиму тебе запасов хватит. - Тут он взглянул исподлобья и добавил: - Если не передумаешь здесь остаться.

- Не передумаю, - усмехнулась я.

- Мне бы радоваться, а я беспокоюсь. Гадаю, что вдруг на тебя нашло.

- Сойдемся на том, что я сама толком не знаю. Обедать будешь?

Он пожал плечами:

- Можно.

- Тогда садись.

Он пошел мыть руки, а я накрыла на стол. Верный улегся возле кресла и сонно на меня поглядывал.

- Пес осмелел до наглости, - кивнул на него вернувшийся Сергей.

- По-моему, просто объелся.

Некоторое время мы обедали молча, пока Звягинцев не сказал:

- Вкусно. Я и не знал, что ты готовить умеешь.

- Да я тоже не знала.

Мы оба засмеялись. Потом вновь замолчали. Сергей вдруг вскинул голову и в упор посмотрел на меня.

- Что? - спросила я, с трудом выдержав его взгляд.

- Я об этом всю жизнь мечтал. Прийти с работы, сесть напротив, а ты бы кормила меня обедом...

- У меня ничего не изменилось, - пожала я плечами.

- У меня, как видишь, тоже, - вздохнул он. - Мечтать, как известно, никто не запрещает.

- Это точно, - кивнула я. - Если мы еще способны мечтать, значит, все в порядке.

- Теперь, по крайней мере, я буду тебя видеть.

- Что там с девушкой? - спросила я, поднимаясь.

- С девушкой скверно, - отодвигая пустую тарелку, ответил Звягинцев.

- Не нашли?

– Нашли, к сожалению.

Я нахмурилась, ожидая продолжения, а он сказал с неохотой:

– Лежала метрах в двадцати от тропы, кое-как ветками прикрытая.

– Ее убили?

– Да. Несколько раз ударили по голове чем-то тяжелым.

– Твоя мама сказала, весной погибла племянница Коровина.

– В том-то и дело. Похоже, убийца у нас один и тот же. По крайней мере, следаки думают именно так.

– Ограбление?

– Сумочка пропала, но сомневаюсь, что у девчонки при себе было много денег. Сейчас с наличкой вообще туго, а с карточками связываться опасно.

– У нее были золотые часы. Я обратила внимание, когда она матери звонила.

– Часов на ней нет.

– Возможно, какой-то наркоман...

– Здесь молодежи почти не осталось, – сказал Сергей. – Заведись какой наркоман, я бы знал... Все на глазах. Будь убийцей кто-то из подобных типов, дело быстро бы раскрыли, а у нас, похоже, всяк. И весьма возможно, будет второй. Из города за легкой добычей к нам вряд ли кто приедет. Во-первых, чужака заметят сразу, во-вторых, рассчитывать на большие деньги не приходится.

– Логично, но тогда что же получается... кто-то просто убивает девушек?

Звягинцев вновь пожал плечами:

- От мыслей о серийном убийце никто не в восторге, но...

- Девушек изнасиловали?

- В том-то и дело, что нет. И ту, и другую убили тяжелым тупым предметом. И этим самым предметом били по лицу, пока не превратили его в кровавую кашу.

- То есть убийце чем-то не нравятся лица девушек? Потому и решили, что это может быть маньяк?

- Вообще-то, это не моего ума дело, я участковый, а не сыщик, но... девчонок кто-то убивает, и он здесь, среди нас.

- Да... - протянула я. - Вот так новость. Есть кто на подозрении?

Звягинцев усмехнулся, а я вздохнула:

- Глупость спросила?

- Маньяк, если речь все-таки идет о нем, в быту совершенно нормальный человек. Иногда даже симпатичный. Чаще всего на них следователи выходят случайно.

- Если он размозжил им голову, то был весь в крови. В таком виде далеко не уйдешь.

Звягинцев только вздохнул.

- Но хоть что-то о нем известно?

- Он среднего роста, физически довольно сильный. Правша.

- А какие-то следы...

- Под утро дождь шел. В прошлый раз и вовсе гроза.

– Он что же, специально в такое время на охоту выходит? – Я немного помолчала и продолжила: – Все-таки он очень рискует, если нападает на них по дороге.

– Я думаю, он поджидает их на станции, желая убедиться, что они отправятся в одиночку. Вероятность того, что в это время в лесу еще кто-то окажется, ничтожно мала. Тропой пользуются только те, кто на электричке приехал. А сейчас таких немного. Дорогу подлатали, и теперь из города несколько раз в день автобус ходит. Это раньше со станции толпа шла, а теперь... все больше на машинах да автобусах. В такое время в лес вряд ли кто отправится.

– Да уж, время неподходящее...

– Черные лесорубы у нас не водятся, а местным дрова не нужны, три года как газ провели. А если кому и понадобятся, то по ночам шастать не будут. В общем, рассчитывать на свидетеля не приходится.

– Всегда есть место случаю. Например, я вчера могла отправиться на хутор через село. А потом передумать и вернуться.

– Согласен. Вероятно, он видел, что ты свернула, выждал время...

– Ты следователям обо мне сказал?

– Конечно. Хоть и не хотел тебя во все это втягивать. Но они все равно узнают.

– Чего ж тогда со мной не поговорили?

– Я им рассказал о наших вчерашних поисках, ну и о том, что ты ничего подозрительного не видела. Они у тебя в любом случае появятся. – Он помолчал немного и продолжил: – Как бы они Егорыча подозревать не стали.

– Глупость.

– Когда зацепиться не за что, хватаются за соломинку. Алиби у старикана наверняка нет. Чисто теоретически, он мог закрыть свою шарашку, догнать девчонку на велосипеде или мотоцикле и успеть уехать с дорожниками.

- Мотоцикл я бы услышала.

- Тогда на велосипеде.

- А мотив? С чего он вдруг ополчился на девиц? Если он маньяк, чего ж тянул с убийствами столько времени?

- Согласен. Это глупость, но как бы старик под раздачу не попал.

- Сережа, - позвала я. - Я в лесу Юриса встретила. Возле ручья.

Он посмотрел на меня и чертыхнулся:

- Рассказывай.

- Нечего рассказывать. Увидела его на тропе, он убежал.

- Почему сразу не сказала?

- Не знаю. Забыла, наверное. Не придавала значения. По-моему, подозревать Юриса так же глупо, как и Константина Егоровича.

- Вот черт... Как только в округе узнают об очередном убийстве, такое начнется...

- Что ты имеешь в виду? - не поняла я.

- Я имею в виду, сосед начнет подозревать соседа, все старые обиды расцветут буйным цветом... Не вовремя ты приехала...

- Я-то здесь при чем?

- Ты ни при чем, но косо все равно смотреть будут. Когда люди напуганы, в голову им приходят странные мысли.

- Я все равно не уеду.

- Да понял я... - отмахнулся Сергей. - Мне бы радоваться, но уж очень беспокойно... Дверь у тебя опять была открыта... - попенял он.

- Ты прав, нет привычки запираяться.

- Придется обзавестись. Аня, - помолчав, позвал он.

- Что?

- Не хотел тебе говорить, но... это касается Стаса.

Я как раз включила чайник и теперь стояла, глядя на Сергея, в трех шагах от него. Звягинцев молчал, точно собираясь с силами.

- Я тебя слушаю, - не выдержала я.

- Может, в самом деле, говорить не стоило... но уж если начал... Я не уверен, что Стас умер своей смертью.

- Что? - растерялась я.

Подошла и вновь села напротив Сергея. Он смотрел в окно, хмурился.

- Когда я его нашел, дверь была не заперта. Он сидел за столом... Последнее время чувствовал Стас себя неважно, и фельдшер, и врач ему то и дело звонили... Я к тому, что телефон у него был под рукой. Почувствуй он себя хуже, должен был сообщить.

- Возможно, просто не успел, - сказала я. - В любом случае, проводили вскрытие, он ведь дома умер. А значит...

- Вскрытие в районной больнице делали. Тамошнего патологоанатома я хорошо знаю. Пьет как лошадь, говоря между нами. Я к нему уже после похорон Стаса ездил. Клянется и божится, что все сделал, как надо. Причина смерти никаких сомнений не вызывает. Но не очень я ему верю. Еще вопрос, что и как он смотрел, и что увидел. Дело-то вроде ясное: пожилой человек, болел, да еще

жил один...

- Так и есть, - не очень понимая, куда он клонит, сказала я. Звягинцев кивнул.

- Вот-вот. У него ведь диабет обнаружили. Последнее время был на уколах. Я у врача спрашивал, существует ли способ свести диабетчика в могилу, не вызывая подозрений.

- О чем ты?

- О том, что если с ним хотели разделаться...

- Разделаться со Стасом? - перебила я. - Ты в своем уме? Да кому это надо?

- Именно поэтому я и молчал, - усмехнулся Звягинцев. - В самом деле, кому? Заговори я в ментовке об этом, начнут крутить пальцем у виска.

- Хорошо, - посоветовав себе набраться терпения, сказала я. - Есть причина, почему подобные мысли пришли тебе в голову?

- Я уже после похорон все сопоставил, - пожал он плечами. - Верный был в сенях, когда я пришел. Что собака там делала? Был бы в доме - понятно. Или на улице. А в сенях?

Я вдруг почувствовала беспокойство. По спине пошел холодок, я невольно поежилась.

- Открыть дверь Верный сам не мог, - продолжил Сергей куда увереннее, как видно, обратив внимание на мою реакцию. - И еще. Стас много лет один жил, человек аккуратный. У такого, как он, все на своих местах. Я на следующий день сюда пришел, осмотрел все еще раз. В шкафу все чашки в ряд, ровненько, а одна в стороне стоит, за стаканами. И блюдце с краю, а остальные с другой стороны и тоже в ряд.

- Ты хочешь сказать... чашку с блюдцем кто-то другой поставил?

– Вот именно. И второпях не обратил внимания на заведенный Стасом порядок: тарелка к тарелке, блюдце к блюдцу.

– Он с кем-то пил чай? – сообразила я.

– И этот кто-то мог незаметно подсунуть лекарство, что и спровоцировало остановку сердца. Само собой, скажи я это в полиции, меня на смех поднимут. Далеко идущие выводы из-за чашки с блюдцем и запертой в сенях собаки.

– Но если Верный был в сенях, чужого человека вряд ли бы выпустил...

– Точно. Значит, был это кто-то из своих, кого собака хорошо знает. А в сенях ее заперли по одной причине: чтобы за гостем не увязалась. Встреть их кто-то, стало бы ясно, откуда идет человек, разговоры бы точно пошли.

– Допустим, ты меня убедил, – сказала я после того, как мы довольно долго сидели в молчании, каждый думал о своем. – Тогда вопрос: кому помешал одинокий пенсионер? Хутор бабка завещала мне. На счету у Стаса приличные деньги, но ведь их чужой человек не снимет. Конечно, может речь идет о семейном кладе, но если я о нем ничего не знаю, то как узнал посторонний?

– Насчет клада, кстати, идея, – криво усмехнулся Сергей. – Учитывая историю вашего семейства, клад вполне может быть, и не один. Но Стас уж точно бы не стал рассказывать о нем кому попало, он вообще был не любитель болтать. А вот тебе бы непременно рассказал. Боюсь, тут другое. Он последние дни перед смертью странно себя вел, то есть тогда мне так не казалось, а вот потом... Он убийством интересовался. Пару раз даже домой ко мне заходил. Я еще удивился: не скажешь, что он был особенно любопытен. Хотя в селе, конечно, только об этом и говорили. Самое яркое событие за последние годы, считай, с войны ничего подобного не было. В общем, отличный повод для разговоров. Но Стас ведь не деревенская кумушка, которая всех соседей обежит, чтобы новости узнать. Не очень все это на него похоже.

– То есть, по-твоему, он что-то знал об этом убийстве?

– Нет. Сомневаюсь, что в этом случае он бы промолчал. Я бы сказал, что-то навело его на кое-какие мысли. Он считал, что делиться ими со мной преждевременно. Возможно, хотел что-то проверить.

- Но не успел?

- Кому-то об этом стало известно.

- И он пришел выпить чаю? Даже представить затрудняюсь, кто это мог быть...
То есть та же фельдшер, конечно, чаю выпить с ним могла, но мужчина...

- Всем известно, что Стас не пьет. А значит, рассчитывать на дружескую попойку не приходится.

- А лекарство подсыпать надо, - подхватила я.

- Вот именно. Так что без чаепития никак. Дни стояли холодные, отчего ж чая не попросить с дороги? Стас человек вежливый и хозяин хороший, тем более что гости у него не часто бывали.

- Но если он этого человека подозревал, вряд ли бы сел с ним чай пить.

- Не скажи. Допустим, не хотел, чтоб тот о подозрениях раньше времени узнал. Или визит старика напугал, и он старался делать вид, что рад гостю.

- Если б испугался, собаку бы при себе держал.

- Верный мог по округе носиться, а вернулся уже позднее.

- Господи, почему ты раньше мне об этом не рассказал? - покачала я головой.

- Потому что все это неподкрепленные ничем домыслы, - усмехнулся Сергей. - А сейчас я просто вынужден рассказать об этом. У нас второе убийство, а ты собираешься жить здесь одна.

- Как бы то ни было, а я отсюда не уеду. Так что лучше поскорее убийцу найти. - Тут я улыбнулась, не желая драматизировать. - Для нашего общего спокойствия.

- До чего ты упряма, - вздохнул Звягинцев. - Всегда такой была. Дверь, по крайней мере, научись запирать и держи собаку при себе.

- Неужели кто-то из местных... все-таки в такое трудно поверить...

- Да уж... кого подозревать прикажешь? Здесь одни старики на десять верст, а с теми, кто помоложе, ты либо в школе учился, либо на танцульки бегал. Либо они вообще на твоих глазах выросли. Вот и подозревай, кого хочешь... Тут вот еще что... За три недели до того, как убили Ольгу Зиновьеву, у нас беда стряслась. Погибла девушка, Лена Кирюхина. Может, помнишь ее мать, Светлану Васильевну?

- Не помню, - покачала я головой.

- Она с дочерью жила, семнадцатый дом по Центральной улице. Девке двадцать один год был, в городе работала, снимала квартиру вместе с подругой. Мать в субботу к родне уехала, с дочерью разминулась. Та позвонила уже отсюда, мол, здесь я и все такое. Светлана Васильевна домой поспешила, а дочери нет. Мобильный не отвечает. Она по соседям прошлась, никто ничего не видел. Короче, утонула девчонка. В малом омуте. Видно, упала с мостков и ее под лед затащило.

- Мостки еще целы? - удивилась я. - Неужто кто-то там до сих пор белье полощет?

- Энтузиасты есть, из тех, кто постарше. Там полынья, но Лена точно белье не полоскала. И что там делала, неизвестно. Может, конечно, прогуляться решила... Тело нашли ближе к майским праздникам, в каком состоянии, можешь представить, то есть лучше не представлять. Оказалось, что она беременная была. Мать ни об отце ребенка ничего не знает, ни с кем дочка встречалась. Я народ спрашивал, никто ничего. Сомнительно, что это кто-то из наших. Попробовал в городе поискать, но, сама понимаешь, не мое это дело. Сомнений в несчастном случае ни у кого не возникло. Упала в воду, а выбраться не смогла. У девчонки на голове ссадина, однако решили, что она, скорее всего, об мостки ударилась.

- Но у тебя другое мнение? - нахмурилась я.

- Как только узнали о беременности, сразу пошел слух: утопилась девка. Мать у нее с норовом, с такой жить не сахар. Если любовник девчонку бросил... Я тогда,

признаться, тоже подумал: такая мамаша кого хочешь доконает. Хотя Лена мне всегда казалась девушкой разумной. Может, в самом деле, несчастный случай? Кто знает, что ей в голову взбрело? Надумала дорогу сократить, да по льду пошла, а он под ней провалился? Рядом никого, криков в селе не услышали, в общем, сгинула девка. Люди, бывает, тонут. Особенно в половодье. В соседнем районе... – тут Сергей вздохнул и махнул рукой. – Чего теперь оправдываться. Не особо я в это дело вникал, типа, начальству виднее и все такое. А потом убийство Ольги Зиновьевой. Вот тогда я на все другими глазами посмотрел. Уж очень много смертей, Аня. Если Стаса считать, уже четыре, и он, кстати, о Лене Кирюхиной меня расспрашивал. Вот я и решил: может, узнал чего? В смысле, заподозрил?

– И от него поспешили избавиться? – сказала я. – Я о маньяках мало что знаю, но... Допустим, два убийства по дороге со станции в схему укладываются, по крайней мере, обстоятельства и способ убийства схожи. Но Лена Кирюхина и Стас... Если их убили, то вряд ли псих. Хотя... – я пожала плечами. – В одном ты прав: три погибшие девушки за полгода – это слишком. Внешнее сходство между ними было?

Сергей достал из внутреннего кармана фотографии и протянул мне. Я разложила их на столе. На обороте записаны имена и возраст. Лена Кирюхина, двадцать один год, первая из погибших девушек. Шатенка с пышными волосами, аккуратным носиком и печальными глазами. Оле Зиновьевой не было и двадцати, совсем еще девочка. Волосы русые, задорная улыбка... Убитая вчера Анастасия Терентьева, двадцать четыре года, крашеная блондинка. Курносый нос, чуть вздернутая верхняя губа. Я долго вглядывалась в фотографии.

– Не скажешь, что убийца предпочитает какой-то определенный тип женщин, – сказал Сергей, наблюдая за мной.

– Может, это самовнушение, но мне кажется, в них есть что-то общее... не бросающееся в глаза...

– Да? – Звягинцев смотрел на снимки, потом пожал плечами.

Я вернула фотографии и предложила:

– Давай пить чай.

Заметив купленную вчера книгу, лежавшую на столе, Звягинцев спросил, должно быть, желая сменить тему:

- Читаешь?

- Читаю.

- У меня до второго тома руки пока не дошли, а первый прочитал.

- И как тебе?

- Довольно занятно. Думаю, дальше будет интереснее.

- Когда дело дойдет до тех, кого мы знали лично?

- Может, она и про нас что написала, - усмехнулся Сергей. - Ваше семейство Марта уж точно вниманием не обошла.

- Ничего удивительного. Они с моей бабкой дружили.

- Ага. Но... вряд ли бы твоей бабке понравилась эта книга.

- Почему? - удивилась я. - О слухах, что ходили в округе, Агнес прекрасно знала. И, по-моему, мало обращала на них внимание.

- Даже на те, что касались ее мужа?

- А-а... ты об этой истории, - покивала я. - Не очень-то я в нее верю.

- Не знаю, как тебе, а мне было любопытно... Жаль, столько времени прошло, свидетелей уже не осталось.

- И правду мы вряд ли узнаем, - подхватила я.

- Твоя бабка наверняка знала куда больше.

– Думаешь, мой дед ей рассказал? Взял да и покаялся в убийстве собственного отца и его молодой жены?

– Учитывая, что Агнес о слухах знала, могла обратиться к нему с вопросом.

– Только не Агнес, – покачала я головой. – Чего не знаешь, о том не гредишь.

– Точно, – засмеялся Сергей. – Я помню, как она это повторяла.

– Агнес вышла замуж вопреки воле родителей. То есть они, в конце концов, с ее выбором согласились. Вышла по большой любви. А потом, наверное, решила, что родители были правы. Дед оказался человеком с другой планеты. И точно не был прекрасным принцем, но она была чересчур упряма, чтобы это признать.

– И придумала себе другого человека?

– Нет, для этого она была слишком здравомыслящей. Скорее, научилась принимать его таким, каким он был. Но его откровений точно бы не захотела. Жить с убийцей – это все-таки слишком...

– Может, и не было никаких убийств, – пожал Сергей плечами. – Мало ли что люди болтают... И Старый мельник умер своей смертью, точнее, от неизвестной хворобы. А вслед за ним и его молодая жена.

– И дед оказался единственным наследником. Мельничиха, как известно, была беременна... По мнению окружающих, сводный брат вряд ли был нужен деду. Но болтали не только это. Говорили, что мельничиха травила мужа крысиным ядом, понемногу его скармливая, чтобы смерть не оказалась внезапной и оттого подозрительной. А забеременела вовсе не от престарелого мужа, а от его молодого сына. А когда полиция ее все же заподозрила, выпила яд, боясь наказания. Или яд ей подсыпал мой дед, что всем казалось куда более вероятным. В любом случае, его не арестовали, наследство он получил, а вскоре женился на моей бабке.

– Да уж, крутой детектив. Я просто подумал... ерунда, конечно.

– Договаривай, если уж начал, – усмехнулась я.

- Ну... тебе не обидно это читать?

- Господи, Звягинцев, да это было сто лет назад!

- Разумеется... просто люди в наших краях десятки лет мусолили эти истории. А теперь, когда вышли книги, все опять только об этом и говорят. Кто знает, что может прийти им в голову...

- О чем ты? - не поняла я.

Я ждала ответа, он молчал, глядя на меня то ли с жалостью, то ли с печалью.

- Ты что же, думаешь, кто-то решит... Не могу поверить, что ты всерьез...

- Когда люди напуганы... в общем, теперь ты понимаешь, почему я совсем не рад твоему приезду. Мне было бы куда спокойнее...

- Спасибо, что все рассказал, - перебила я. - Дверь обещаю запирать. Я правильно поняла: ты ведешь собственное расследование?

- Да какое расследование, - невесело рассмеялся Сергей. - Сыщик из меня никудышный. Так... пытаюсь разобраться в меру сил...

- Не возражаешь, если я тебе помогу? Вдруг со мной местные будут откровеннее? Ты - полицейский, я - просто соседка, которая к тому же долго отсутствовала, так что ее любопытство вполне извинительно.

- Ты для них чужая, Анна, - с грустью сказал он. - Сделай милость, никуда не лезь, мне и так беспокойства хватает. Ладно, я поехал. Звони, если что.

Сергей направился к двери, уже взявшись за ручку, повернулся, кивнул и, наконец, покинул дом.

А я стала убирать со стола. Вот так разговор получился с другом детства! Странные дела здесь творятся! Допустим, смерть Стаса произошла по естественным причинам, а первая девушка утонула случайно. Но два убийства

вовсе не фантазии Звягинцева, а для нашей глухомани пары убийств многовато.

Закончив с посудой, я села у окна, вдруг почувствовав усталость, такую, что, казалось, не хватит сил пошевелиться, и попыталась вспомнить вчерашний вечер, с той самой минуты, как сошла с электрички. Девушка, идущая впереди, достает мобильный, звонит матери... О чем я подумала в тот момент? Как все изменилось? Да. Я подумала, что раньше с поезда сходило множество людей, и такая же толпа ждала на перроне. Своих встречали, как правило, на велосипедах или мотоциклах, чтобы не тащить на себе сумки. Шум, гам, постепенно все разъезжаются. А сейчас никого: только я и девушка. Сожаление, вот что я почувствовала. Оттого, что все в этом мире стремительно меняется. И тоску по детству. А потом пришло... беспокойство? Странное ощущение, как будто кто-то следил за мной, чужой взгляд, пристальный и неприятный. Неужели рядом действительно находился убийца, планы которого я своим появлением могла нарушить? Или это лишь мои фантазии, появившиеся только сейчас, после разговора с Сергеем?

Вряд ли я смогу ответить на этот вопрос. Звягинцев сказал, что гибель Лены Кирюхиной, как и смерть Стаса, поначалу не вызвали у него подозрений. Они появились позднее. И тогда на недавние события он взглянул иначе. Как бы то ни было, в одном Звягинцев прав: на чужака здесь непременно обратили бы внимание. Допустим, убийца прибыл сюда на машине, но заезжать в село не стал, машину где-то спрятал и к станции пошел пешком. Укрывшись за деревьями рядом с перроном, следил за жертвами, а нападал, когда они удалялись от станции на значительное расстояние. В этом случае он вполне мог остаться незамеченным. Хотя риск все-таки есть. Звягинцев опасается, что подозревать начнут Константина Егоровича. Смех, да и только. Хотя следователи обязаны подозревать всех. А Егорычу даже прятаться не надо, наблюдай в окно за приезжими, перрон как на ладони...

Так почувствовала я чей-то взгляд или нет? А главное, что такого мог узнать Стас? Старик, живущий на хуторе и не особо стремящийся к общению.

Вот тогда я внезапно вспомнила... телефонный звонок. Я звонила Стасу раз в неделю, обычно по субботам. А тут он вдруг позвонил сам. Примерно за неделю до своей смерти. Звонки от него были редкостью, и я испугалась, не случилось ли чего, стала расспрашивать о здоровье.

– Все нормально, – ответил он, но голос звучал как-то странно, точно он с трудом подбирает слова. – Ты не беспокойся за меня. Вот что, Аня, – он как будто на что-то решился. – Я тебе сказать хотел...

– Да?

Стас помолчал, а потом неуверенно продолжил:

– Лучше не по телефону. Может, ты приедешь? Выберешься как-нибудь на выходной?

– Хорошо. У тебя правда все нормально?

– Конечно. Приезжай, я буду ждать.

Первым побуждением было лететь к нему уже завтра, но наутро я решила, что отправлюсь в субботу, разобравшись с делами. Мы так и не увиделись, потому что в пятницу он умер. И теперь, глядя в окно, я думала: что он хотел мне сказать? А вдруг это действительно связано с убийством? Глупости. Логичнее было бы поговорить с тем же Звягинцевым. От него пользы куда больше. Или ему требовался совет, как поступить? И Сергею он ничего рассказывать не хотел, не обсудив это со мной?

«Господи, почему я не поехала на следующий день?» – с тоской подумала я.

Стас был моим дядей, внебрачным сыном деда. Агнес узнала о любовнице мужа примерно через год после своего появления здесь. Она как раз была беременна первенцем, и добрые люди сообщили о сопернице, жившей под боком.

Соперницей оказалась батрачка Ядвига, польско-белорусских кровей, девица просто неземной красоты. Ее портрет я нашла в сундуке, где бабка хранила всякий хлам, хотя, с моей точки зрения, там было много всего интересного. В том числе и эта фотография. На самом деле, лишь половина фотографии. На второй половине, скорее всего, был мой дед. Они, должно быть, сидели плечо к плечу и счастливо улыбались в объектив, Ядвига-то уж точно. То, что бабка разрезала фотографию пополам, разлучив таким образом эту парочку, вполне понятно. Но почему она оставила ту ее часть, где изображена соперница, а не

выбросила, разорвав в клочья? В сундуке, кстати, хранился и «аусвайс» Агнес, и я как-то язвительно заметила: думаешь, вдруг вернуться? На лице бабки тут же появилось привычное отстраненное выражение, и стало ясно: болтать я могу сколько угодно, но ответа не получу. Зато доступ к сундуку мне был закрыт, и в очередной раз решив в нем покопаться, я увидела здоровенный замок, и сколько ни канючила у Агнес ключ, в то лето его больше не получила.

Задавать вопросы тем более было глупо, я знала, бабка их наверняка проигнорирует. Так я и не выяснила, почему в сундуке лежит снимок Ядвиги и куда подевалась вторая половина фотографии.

Много позже явилась догадка: Агнес сохранила фото для Стаса. Других изображений матери у него не было. Но и это единственное, похоже, так и осталось лежать в сундуке даже после смерти бабки. Через два года после похорон я решила заглянуть в сундук, он оказался пустым. На мой вопрос Стас спокойно ответил, что приезжала моя мать, и они весь хлам выбросили. Помнится, я тогда разревелась от обиды. Интересно, чего мне было так жаль? «Аусвайс» бабки? Фотографию Ядвиги?

Я думаю, дед Ядвигу по-настоящему любил. Или мне просто хотелось так думать. В детстве я была поклонницей романтических историй, что, впрочем, не удивительно. Любил или нет, но на батрачке не женился. Скорее всего, подобная мысль даже в голову ему не приходила. Да и трудно ждать романтических поступков от человека, который, по слухам, ради наследства убил собственного отца и его жену в придачу, к тому же носившую его ребенка, если верить все тем же слухам.

Несколько раз я расспрашивала бабку, как они познакомились с дедом. Отвечала она всегда неохотно. Вспоминать Агнес вообще не любила. Став гораздо старше, я решила: это из-за той боли, что он ей принес. Но, прочитав дневник Марты, уже не была так уверена в этом. Может, Агнес слишком бережно хранила память о нем, держала в своей душе, боясь расплескать, пустить по ветру пустыми разговорами, ненужными рассказами, которых глупая девчонка, коей я была тогда, все равно не поймет.

Как бы то ни было, а она его любила, о чем не раз говорила подруге, пряча лицо в ладонях и задыхаясь от невыносимой боли. В дневнике о первой их встрече почти ничего. То ли бабка и тогда об этом не особо распространялась, то ли Марта не пожелала доверить эти их душевные беседы дневнику, хотя в

остальном скрупулезно передавала все события, зачастую самые обыденные.

Моя подруга, готовя к изданию дневники, долго мучилась вопросом: что сократить, а что оставить. В конце концов, оставила все как есть. И правильно сделала. Без этих «корова не могла разродиться до самого утра» картина явно была бы неполной.

В общем, мне пришлось восстанавливать историю знакомства из скурых бабкиных рассказов, редких, с большими временными промежутками между ними, так что к тому моменту, когда удалось в очередной раз разговорить бабу, предыдущий рассказ успевал выветриться из памяти. Одно несомненно: познакомились они в городе, на ярмарке. Дед был там по своим крестьянским делам, а бабушка просто прогуливалась в погожий денек. То, что она обратила на него внимание, более или менее понятно. Судя по фотографиям и воспоминаниям сограждан, которые я не раз слышала в детстве, дед не только обладал фантастической силой, но и был по-настоящему красив. Лишь только речь заходила о нем, к словосочетанию «Молодой мельник» тут же добавлялось «истинный красавец», и все последующие рассказы воспринимались через призму этого женского восхищения. Тогда страсть мачехи к пасынку становилась понятна, хоть и не менее предосудительна, и дед во всех этих рассказах выступал не столько главным виновником многочисленных несчастий, сколько жертвой обстоятельств.

Мужчины в их роду все были рослые. О деду говорили «на голову выше всех парней в округе». Агнес уточнила, он был такого же роста, как их старший сын, то есть примерно метр девяносто. По тем временам настоящий «великан». Однажды на спор ухватил зубами мешок с солью и закинул себе на спину. Странная затея, еще более странно, что шею он при этом не сломал. Я считала эту историю одной из легенд, которые сопровождали наше семейство всю жизнь, но однажды все же спросила об этом у бабушки.

– Если что в голову ему втемяшится, то уж не остановить, – ответила она и пошла себе дальше.

В общем, конкретного ответа я так и не получила, но то, что дед совершенно точно был мужчиной привлекательным, сомнений не вызывает. Сейчас бы сказали: с харизмой. Это чувствовалось даже по старым снимкам. Вот семейный портрет, все старательно позируют, тарашась в объектив, и только дед, закинув ногу на ногу, смотрит куда-то в сторону, снисходительный к чужой затее, но

весьма далекий от намерения всерьез относиться к происходящему. Одевался он по-городскому и костюм носил дорогой, мог себе позволить, став хозяином хутора, к которому, кстати, много еще чего прилагалось на момент знакомства с Агнес. Он как раз начал строить завод и наверняка считал себя ничуть не хуже, а наверняка и лучше этих городских лоботрясов. С бабкой он заговорил первым. Потом они вместе катались на карусели. Вот, собственно, и все, что достоверно известно.

«Один миг, и все кончено», – эти слова могли бы стать эпиграфом к жизни Агнес. Она в него влюбилась, как может влюбиться девица двадцати двух лет, поклонница стихов, милых песен под фортепиано и романов о доблестных рыцарях. Дед в любых доспехах смотрелся бы великолепно. Быть рядом с ним, разделить все тяготы и прочее, прочее – в этом она видела смысл своего существования. Тяготы он ей обеспечил, причем сразу после ее водворения на хуторе. Для городской барышни оказаться в такой глуши... Это и сейчас не самое бойкое место на свете, что же говорить о тех временах.

Почему она не сбежала, для меня загадка. Особенно когда узнала о Ядвиге. Приличие дед соблюдал и белым днем к любовнице не бегал, предпочитая покров ночи. То есть с таким же успехом мог и не прятаться. И вскоре стал отцом двоих сыновей, чем, похоже, гордился, а чтобы далеко не ходить, поместил Ядвигу здесь же, на хуторе, в небольшом доме возле оврага, где после женитьбы отца жил сам.

Тут бы бабке и бежать сломя голову, но до войны она родила ему еще двоих детей, словно соревнуясь с Ядвигой, которая далее в деторождении не продвинулась. Надо сказать, красавицей Агнес не была. Лично у меня при виде соперницы столь редкой красоты, как Ядвига, непременно возникла бы мысль о крысином яде. У бабки, возможно, она тоже возникала, но держала себя Агнес с неизменным достоинством, щедро приправленным прагматизмом: как бы хороша ни была Ядвига, но она лишь батрачка с прижитым невесь от кого ребенком. А хозяйка и законная жена все же она, и муж ее не только уважает, но и любит, чему есть зримое свидетельство – трое ребятишек.

Так они и жили, пока власть не сменилась и дед не подался в лес. Ядвиге советской власти бояться было вроде бы нечего: как есть, голь перекатная, батрачка, которую хозяин еще и обрюхатил. Кулаки-мироеды, как известно, и кровь трудового народа пьют, и плотью не брезгуют. Но пока бабка отсиживалась у дальней родни с липовыми документами, Ядвига подалась в лес

вместе с дедом, оставив Стаса на попечение то ли подруги, то ли невесты откуда взявшейся родственницы. Через год явились немцы. Дед с боевой подругой вернулся на хутор, где уже подсчитывала убытки и заделывала бреши в хозяйстве Агнес. Потом они снова ушли, и на этот раз уже навсегда, в том смысле, что никто из них на хутор не вернулся, хотя дед, конечно, к жене наведывался.

Заметно подросший Стас оставался под присмотром все той же подруги или родственницы, а по сути был предоставлен самому себе. Бабка забрала его в дом. Тот самый поступок, за который я ее особенно уважала, хотя по молодости и заподозрила в желании заработать тем самым лишние очки: мол, смотри, дорогой, твоя любовница только и может, что за тобой бегать, а я детей поднимаю, и своих, и чужих. В любом случае, бабка не прогадала. Из всех ее детей только Стас остался с ней на хуторе до конца и ее, и своей жизни, остальные разлетелись-разъехались, как только смогли. Моя мать не раз говорила: жизнь на хуторе для нее была тяжелой, и вовсе не из-за физической работы, как можно было бы подумать. Куда труднее она переносила пристальное внимание к нашему семейству, все эти пересуды за спиной... Стас на сплетни внимания не обращал, переняв от Агнес холодную отстраненность и способность никого не видеть и не слышать, если не было у него к тому желания.

Парадоксально, но из всех детей более других на бабку был похож именно Стас, с годами возникло даже внешнее сходство, так что сторонний человек, не знавший его историю, ни за что бы не поверил, что Стас не является сыном Агнес. Любили ли они друг друга, или их связывало нечто иное: чувство долга или банальная привычка? Бабка была строга со всеми своими детьми, без нужды не ругала, но и на добрые слова не особо тратилась. Так что ее скупая похвала и нечастые моменты нежности были для ее детей настоящим праздником. В этом смысле Стасу доставалось не больше и не меньше, чем другим. Чувствовал он здесь себя чужаком? Батрацким сыном, взятым в дом из милости? Не знаю. Свое детство я прожила в твердой уверенности, что он мой родной дядя. И тот факт, что у Стаса другая фамилия, меня ничуть не смущал, пока одна из горластых баб, вечно всем недовольных, не просветила меня на сей счет, весьма досадуя на наш род, где все не как у людей. И я отправилась к бабке с вопросом. Было мне тогда лет девять, наверное. Бабка, по своему обыкновению, особо распространяться не стала, и ничего существенного я не узнала, но имя «Ядвига», в сердцах произнесенное вздорной теткой, прочно врезалось в память и будоражило воображение.

За окном давно стемнело. Я перебралась в кресло и, прихватив дневник Марты, стала читать, то и дело отвлекаясь на размышления и собственные воспоминания.

С Мартой бабка подружилась вскоре после появления здесь. Возможно, потому, что Марта была наполовину немкой, внучкой местного пастора. Факт знакомства Марта скупой описала в дневнике: «На службе была жена Молодого мельника. Мне она понравилась, образованная, с чувством собственного достоинства. Нелегко ей здесь придется». Последнее замечание в самую точку. Впрочем, нелегко было и самой Марте. Она мечтала стать врачом, но не нашла поддержки в семье, разве что бабушка по отцу, известная в округе повитуха, принявшая в свои руки чуть ли не половину жителей села, взяла ее сторону.

Первый том изобилует горькими сетованиями по поводу всеобщего непонимания. Марта, как и Агнес, красотой похвастать не могла, мать ее думала лишь о том, как бы поскорее выдать ее замуж, книжки и увлечения дочери медициной вызывали у нее раздражение. Но Марта умела настоять на своем. В конце концов она стала акушеркой, жаль, ее бабушка не дожила до этого. Замуж она тоже вышла, даже дважды. В первый раз еще перед войной за местного учителя (кстати, может, именно это и спасло ее в сороковом), родить ребенка тоже успела. А еще оставила дневники, к которым теперь такое внимание.

Когда вышел первый том, Стас на мой вопрос, будет ли он его читать, пожал плечами. Может, зимой, когда время появится. Вполне в бабкином духе. Может, буду, может, нет. Никакой конкретики. Старший из моих дядей категорично заявил: «Мне не интересно, что там за сплетни». В голосе его было раздражение, а за ним чувствовалось беспокойство, даже страх. Совершенно напрасно волновался, кстати. В первом томе о нем лишь одно упоминание, совершенно незначительное. Во втором пока вообще ни слова. Хотя, может, именно этого он и боялся? Своей незначительности в бурной семейной истории?

В этот момент за окном послышался шорох, а потом кто-то постучал в стекло костяшками пальцев, громко и торопливо. Я подошла к окну, но никого не увидела из-за царящей по ту сторону темноты. Протянув руку, щелкнула выключателем, свет погас. Только ночная лампа заливала противоположный угол золотистым светом. Ровный желтый круг, тени на потолке и шорох за окном.

Отдернув занавеску, я пригнулась, и вот тогда из темноты выступило лицо, желтое, с темными провалами глаз, странно скошенное на сторону. Я уже готова была закричать от страха перед темнотой и тем ужасным, что она скрывает, и тут поняла: все просто, человек прижался лицом к стеклу в тщетной попытке разглядеть, что происходит в доме. И тут же пришла догадка, кто передо мной.

– Юрис! – позвала я и стала открывать окно, а он испуганно отпрянул. Замычал, что-то положил на подоконник и бросился в темноту.

Открыв окно, я увидела букет астр. Стебли разной длины, точно он рвал их в большой спешке... скорее всего, так и было. Хорошо, если в своем палисаднике рвал, а не в соседском.

– Юрис! – вновь позвала я, вслушиваясь в тишину, почти уверенная: далеко он не убежал, прячется в ближайших кустах, наблюдая за мной. – Спасибо! – крикнула я. – Но больше так не делай, пожалуйста. Ты меня напугал.

Я закрыла окно, проверила, заперта ли входная дверь, собаку оставила в доме. Верный тут же улегся возле моих ног, пока новые порядки ему нравились.

Утром я отправилась на кладбище. Но на этот раз собаку оставила на хуторе. Сложив в корзину все необходимое, я покатила в сторону села, ближе к фабрике свернула и теперь двигалась на запад.

Кладбище примерно в трех километрах, день был теплый, между туч робко проглядывало осеннее солнце, я щурилась, жалея, что не взяла очки. Вскоре над пригорком появились кресты, теперь я свернула налево и довольно быстро оказалась возле деревянных ворот, рядом с которыми была калитка, запертая на щеколду. Вокруг кладбища кирпичная ограда, недавно обновленная и заново побеленная.

Пристроив велосипед возле ворот, я прихватила инвентарь и направилась по тропинке в сторону небольшой часовни. Метрах в тридцати правее бабкина могила. Точнее, здесь небольшой некрополь, обнесенный невысоким металлическим ограждением. В глубине два памятника из гранита, добротные, на века. Старый мельник пережил свою первую жену всего на три года и

скончался от крысиного яда, если люди не врут. Его вторую жену, из-за которой, по слухам, он и взял грех на душу, похоронили не здесь, а рядом с ее родней. За давностью лет захоронение затерялось, то есть Агнес наверняка знала, где следует искать, если уж появилась на хуторе вскоре после драматических событий, но мне могилу не показывала. Впрочем, во времена моего детства я не особо всем этим интересовалась.

Ближе ко мне два креста попроще, из серо-розового мрамора. Двое бабкиных детей, Николай, которого в доме звали Клаус, и Марта. Я-то считала, дочку Агнес назвала в честь подруги, к моменту появления третьего ребенка их дружба с Мартой была уже крепка и нерушима. Однако Агнес, по обыкновению, ответила неопределенно: «Имя красивое».

Надо сказать, бабка на кладбище ходила редко, то ли подобные места ей не особо нравились, то ли не считала нужным беспокоить покойников. Появлялась здесь на Пасху и ближе к зиме. Прибраться, как она говорила. Цветочниц на могилах не было, вместо них мраморные плиты. Строго и опрятно. Я думала, что после похорон дочери и сына, которых она пережила на несколько лет, заведенный порядок изменится и она станет приходить чаще, ведь до того момента покоились здесь люди, в общем-то, ей чужие, которых она даже не знала. Однако Агнес осталась верна себе. Единственное, что вызвало робкое удивление, это намерение бабки похоронить своих детей по православному обряду. Батюшка сомневался, были ли они крещены, но бабка заверила, что были, и отпевание состоялось, хотя вокруг все только и шептали, мол, авария, которая привела к столь печальным последствиям, вовсе не была случайной.

Муж дочери намеревался похоронить ее в городе, но Агнес, продемонстрировав непоколебимую твердость, положила брата и сестру рядом. Дядю Клауса и тетю Марту я помнила очень хорошо. Красивые, улыбающиеся, со странной печалью в глазах, которая всегда меня поражала. Они болтали о чем-то, смеялись, вдруг встречались взглядом, и лица их мгновенно менялись, всего лишь на секунду, но мне хватало, чтобы почувствовать эту странную глубинную печаль. И тут же появлялась тревога... По неизвестной причине все свое детство я за них боялась, не умея ни выразить этого, ни даже самой себе объяснить. Как оказалось, боялась не зря. Впрочем, давно повзрослев и на многое глядя иначе, я временами говорю себе: они поступили правильно. Окажись я на их месте, вряд ли бы стала раздумывать...

Если не считать моего деда, а также его отца с их детективными историями, в местном фольклоре Клаусу и Марте отводилось почетное место. Вот уж у кого за спиной шептались с особым рвением!

Война началась, когда Клаусу было восемь лет, а Марте – пять. Дед еще болтался в лесу в компании Ядвиги, Агнес пряталась у дальних родственников, которые приняли ее со старшим сыном, младших детей взяла к себе сестра бабки, та самая коммунистка. В семействе Агнес, надо сказать, тоже кипели нешуточные страсти. Если Агнес вышла замуж фактически против воли родителей, то ее младшая сестра сбежала из дома по идейным соображениям. Она штудировала Ленина и верила в светлое будущее мирового пролетариата. Правда, без любви все-таки не обошлось. На каком-то партсобрании она встретила свою судьбу. Невзрачного мужичка лет на пятнадцать ее старше, в общем, светлое будущее они начали строить вместе. Среди этих самых строителей он был довольно влиятелен, и когда в наши края как снег на голову свалилась советская власть, стал большим партийным начальником. Вот к этой самой сестре Агнес и отправила Клауса и Марту, не подозревая, что им готовит судьба. Правда, теперь они превратились в Николая и Машу, бабка строго-настрого запретила им называть друг друга привычными именами. Само собой, причин для этого было достаточно. Война, как известно, началась внезапно, а в наши края пришла буквально в первые дни. Немцы, прорвав оборону, готовились войти в город. Началась спешная эвакуация. Связаться с Агнес никакой возможности не было. Родители ее умерли еще в 1938 году, сначала отец, а потом и мать. В общем, брат с сестрой оказались в последнем составе вместе с дядей и тетей.

Уже на следующий день состав разбомбили. Бомба угодила в тот самый вагон, где Клаус и Марта жались к тетке, плохо понимая, что происходит. Тетка и ее муж погибли, дети каким-то чудом остались живы. Более того, вновь оказались в поезде, который шел на восток. Под бомбежкой им пришлось побывать еще не раз. Клаус где-то нашел веревку, которой и привязал к себе сестру, ее правую руку к своей левой руке, чтобы не потеряться во время бомбежки, когда приходилось бежать куда глаза глядят, ничего не соображая из-за страха, ревущих моторов и всеобщей паники. В конце концов, к зиме сорок первого они оказались в детском доме, в тысяче километрах от родного хутора. Двое маленьких, испуганных детей, которые даже свои имена боялись произнести.

Они выжили. Брат рассказывал сестренке одну и ту же сказку о том, что злая колдунья их зачаровала, но колдовство однажды кончится, и они вновь окажутся

дома, рядом с мамой и папой, и вернут себе настоящие имена. А сейчас о них надо молчать. Откуда в мальчишке взялась такая стойкость? Самое удивительное, все эти годы он хорошо помнил, куда должен вернуться. И, услышав по радио чеканное левитановское «наши войска после тяжелых боев освободили от фашистских захватчиков...», а дальше название города, которое он все это время повторял про себя, ложась спать в гулком стылом бараке, он той же ночью бежал из детского дома, разумеется, вместе с сестрой.

Путь их лежал на запад, туда, где была мама, которую Клаус начал забывать, а Марта и вовсе почти не помнила. Смутные отрывочные картины, где вместо образов лишь чувство чего-то родного и теплого. На вокзалах они пели частушки, популярные военные песни, иногда просто побирались, и неуклонно двигались к дому, от состава к составу, километр за километром. Их кормили, подсаживали в поезда, ловили, пытались вернуть в детский дом, а они опять бежали, прятались от патрулей, и вновь добрые люди кормили их, подсаживали в вагон... Казалось, этот путь никогда не кончится, а мечта так и останется мечтой.

Но в один прекрасный день они все же оказались в том самом городе и пошли по железнодорожным путям к родному хутору. Самое невероятное, дорогу мальчишка нашел сразу, точно двигался по навигатору.

В тот момент Агнес во дворе вешала белье. Услышала, как за спиной скрипнула калитка, а потом детский голос, хриплый от усталости, позвал:

- Мама...

Она обернулась и увидела их: Марту в чьей-то кофте с подвернутыми рукавами, в платке, повязанном на груди крест-накрест, испуганно жмущуюся к брату, и Клауса в обрезанной солдатской шинели, крепко державшего сестру за руку, детей, которых она уже не надеялась увидеть, за которых молилась по ночам, уже не веря, что они живы. Ноги у нее подкосились, и она поползла к ним, невнятно мыча. И Марта, видя странную, совсем чужую тетю, спряталась за спиной брата.

Много раз я представляла себе эту сцену, так ясно, точно сама стояла рядом. Обоих отмыли, откормили, как могли. У них вновь был дом, была мама, тяготы и лишения потихоньку забывались, но в семье они все равно держались

особняком, никогда по отдельности, всегда вдвоем, точно навеки связанные той самой веревкой, которую Клаус нашел в разбомбленном вагоне. Они значили друг для друга гораздо больше, чем остальные дети Агнес. И именно этого им не захотели простить.

Разговоры начались, когда они еще были подростками, привычка держаться за руку у них так и осталась до конца жизни. Марта не обращала внимания на парней, а Клаус мало интересовался девушками. Когда он уехал учиться в город, девчонка ходила сама не своя, писала ему письма каждый день, и на почте, принимая у нее очередной конверт, ее с кривой улыбкой спрашивали:

– Скучаешь по брату?

На что она отвечала со всей искренностью:

– Очень.

Вскрыл ли кто-то из любопытных их письма, и было ли в них что-то предосудительное, мне неизвестно, но общественность стойко придерживалась мнения: здесь что-то не чисто.

Через три года Марта отправилась к брату и поступила в университет. Появлялись они здесь редко, но разговоры отнюдь не утихали. Напротив, отсутствие каких-либо фактов чужую фантазию лишь подстегивало.

Университет был закончен, брат с сестрой работали, снимали комнату в городе, одну на двоих, вроде бы в целях экономии. Заводить семьи не спешили, что для охочих до разговоров служило бесспорным доказательством любви совсем не братской. Как на все это реагировала бабка, мне неведомо.

Марта все-таки вышла замуж, а вслед за ней женился Клаус. В семьях появились дети, теперь и на них поглядывали с интересом, при случае не отказывая себе в удовольствии отметить: мальчишка Марты вылитый Николай в детстве. «Дурная кровь».

По этой причине или по какой-то другой внуков Агнес привозили не часто. А потом у Марты обнаружили рак. В то время это был фактически приговор. Через

неделю брат с сестрой сели в его машину, выехали за город и на скорости сто сорок километров врезались в бетонное ограждение. Само собой, Клаус держал сестру за руку.

Сделав несколько шагов, я оказалась перед могилой Агнес. И вздохнула, по обыкновению, не зная, что ей сказать. Наши с ней отношения безоблачными точно не назовешь. Я даже толком не могла бы ответить на вопрос: любила ли я ее? А она меня? Однозначных ответов явно не существовало. И вместе с тем нас связывало не только кровное родство. Было еще что-то, чему я до сих пор не нашла названия.

На бабкиной могиле замер скорбящий ангел. Идея принадлежала моей матери, и вряд ли бы нашла отклик у самой Агнес. Мне она как-то сказала, что хотела бы навсегда остаться в родном хуторе.

«- Положили бы меня вон там, у березы... - и ткнула пальцем в сторону забора.

- Людей не хоронят, где попало, - ответила я.

- Тогда сожгите к чертовой матери, а пепел здесь по ветру пустите».

Но подобная идея привела родню в ужас, я даже пожалела, что о ней рассказала. Мама, а вслед за ней оба ее брата заявили, что странным фантазиям потакать не собираются, звучало это так, точно фантазии эти мои, а не бабкины. И только Стас был готов согласиться со мной, но в прениях не участвовал, вероятно, считая: если у него и есть право голоса, то все равно не такое, как у остальных.

В общем, ангел скорбит над Агнес, а по соседству под деревянным крестом лежит Стас. И я со странным удовлетворением отметила: в семейном некрополе места предостаточно, значит, и для меня найдется, хотя я, само собой, вовсе не тороплюсь здесь оказаться.

Я быстро навела порядок, убрала опавшую листву, протерла памятники и, устроившись на скамье, неторопливо рассказала о новостях. О своем намерении остаться на хуторе - тоже. Надо ли это покойным, мне неизвестно, а вот мне было

необходимо сообщить об этом бабушке.

Я уже собиралась уходить, когда услышала голос, монотонно что-то повторявший, слов не разобрать. Поднялась и увидела женщину, которую поначалу не узнала. Она толкала перед собой инвалидную коляску, в которой сидел мужчина, чуть завалившись на одну сторону. Они приближались, и теперь я расслышала слова женщины.

- Ну, вот, мы почти пришли. Здесь наша Олечка, племянница моя дорогая.

Женщина, увидев меня, помахала рукой в знак приветствия. Я пошла им навстречу, крикнув:

- Добрый день!

- Здравствуй, Аня, - сказала женщина, когда я поравнялась с ними, а я подумала: как состарили ее несчастья. Сначала insult мужа, потом смерть сестры, а следом гибель племянницы.

В детстве мама обнаружила у меня дар художника. Как большинство детей, рисовать я любила, получалось у меня не хуже и не лучше, чем у других, но родительский глаз усмотрел в моих рисунках зачатки гениальности. Меня тут же отправили в художественную школу. Тамашние педагоги имели точку зрения, отличную от маминой, она с ней, в конце концов, согласилась, и я наконец-то покинула школу. Но в те времена, когда во мне еще видели Ван Гога, мама заботилась о том, чтобы лето не пропало даром. И узнав, что в селе появился художник, причем именитый, мама тут же бросилась к нему договариваться об уроках.

Так я и познакомилась с Коровиным. Своей фамилией он, кстати, гордился и даже намекал на родство со знаменитостью. Носил длинные волосы, бороду, из-за которой казался мне ужасно старым. Учителем Дмитрий Владимирович хотел быть строгим, но особо мне заданиями не докучал. Время от времени поправляя мою работу, давал советы, в остальное время мы болтали обо всем на свете. Иногда в мастерской появлялась его жена, Екатерина Осиповна, с подносом в руках, со стоящими на нем расписными бокалами с чаем. На блюде неизменные пирожные, которые она пекла сама. Коровин был сладенкой, а его жене

нравилось потакать этой его извинительной слабости.

Само собой, пирожные я тоже любила, и данное обстоятельство, а еще разговоры с Коровиным, примиряли меня с уроками живописи, без которых я прекрасно бы обошлась.

Иногда мы отправлялись на пленэр, и это было здорово. Мы шли вдоль реки, пока не находили подходящее место, и начинали работу. На природе Коровин становился особенно разговорчивым. Меня называл «друг мой Анька», шутил и смеялся. Заканчивалось занятие купанием в реке. Потом возвращались в мастерскую, где нас уже поджидала Екатерина Осиповна с неизменным чаем.

Дмитрий Владимирович оказался прирожденным педагогом, дети к нему так и тянулись. Тем большую горечь супруги Коровины, должно быть, чувствовали от того, что своих детей у них не было. Здешние кумушки не раз повторяли: для Екатерины муж был главным человеком на свете, да и на кого еще излить свою любовь? И добавляли: «несчастливая баба».

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/tatyana-polyakova/dnevnik-chuzhih-grehov>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)